

Разоблачение Клаудии

Автор:

[Дэниел Киз](#)

Разоблачение Клаудии

Дэниел Киз

Loft. Культовая проза Дэниела Киза

В лучших традициях прозы Киза, этот психологический роман с элементами публицистики – настоящее исследование глубин человеческого сознания. А еще – захватывающее расследование леденящего душу убийства.

13 февраля 1978 года владелец клуба Микки Маккан, его мать и танцовщица Кристин Хердман были обнаружены мертвыми в их собственном доме. Целый месяц преступление оставалось нераскрытым, пока некая Клаудия Элейн Яско не выступила с чистосердечным признанием. После ее детального рассказа сомнений не оставалось – такое мог знать только тот, кто побывал на месте преступления.

Но что, если не она – настоящий убийца? И зачем ей признаваться в преступлениях, которых она не совершала?

Loft. Культовая проза Дэниела Киза

Разоблачение Клаудии

Daniel Keyes

UNVEILING CLAUDIA:

A TRUE STORY OF SERIAL MURDER

Copyright © 1986 by Daniel Keyes

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Убиты две женщины. Мотив неизвестен

Клаудия работала в ночном клубе, поэтому, разумеется, трагедию, описанную в статье на первой полосе «Колумбус диспатч» от одиннадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, восприняла как свою собственную. Ей стало жутко от одной мысли о двух мертвых женщинах, лежавших в морозной ночи. По спине пробежал холодок, ее затрясло. Бегая тем вечером между столиками под ритмы рок-музыки, она смотрела в стеклянные глаза пьяных мужчин и молилась про себя, чтобы никто из них не вздумал убить и ее.

Вернувшись тем вечером домой, Клаудия встала на колени перед картиной, изображавшей Иисуса в Гефсиманском саду, которую повесила над дверью в гостиную, и принялась шептать молитву за души убитых.

По словам Клаудии, тогда она еще не знала, что это лишь первые убийства из длинной череды смертей и что они перевернут всю ее жизнь.

Пролог

Как всегда, с любовью для Ори

Это подлинная история роковой красоты и психически больной женщины по имени Клаудия Элейн Яско. А еще это история о том, как сотрудники правоохранительных органов многократно заходили в тупик, безуспешно пытаясь раскрыть серию вроде бы ничем не связанных убийств, которые целый год держали в страхе жителей Центрального Огайо.

О Клаудии я впервые услышал в середине июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда один ее приятель позвонил мне и спросил, не хочу ли я написать книгу про женщину, которая в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, в возрасте двадцати шести лет, заявила полиции, что убила троих человек. Позднее эти трое вошли в число десяти жертв преступника, получившего в газетах Огайо прозвище «Убийца с двадцать вторым калибром». Прежде Клаудия боялась говорить о случившемся, теперь же она решила поведать свою историю миру.

Случай меня заинтриговал, да и время было выбрано удачно – я как раз взял в университете отпуск, чтобы презентовать последнюю книгу.

Звонивший парень (он просил не называть его имени) пообещал привезти Клаудию на следующей неделе. Я тем временем, чтобы освежить в памяти события, сходил в библиотеку и перечитал газеты четырехлетней давности, где рассказывалось о преступлении, за которое Клаудию Элейн Яско и двоих мужчин – ее соучастников – чуть было не приговорили к смертной казни по обвинению в убийстве при отягчающих обстоятельствах.

Первые же заголовки напомнили мне суть дела:

ПРИЧИНОЙ ТРОЙНОГО УБИЙСТВА СТАЛ ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ЖЕНЩИНА, ВИНОВАЯ В ТРЕХ СМЕРТЯХ, СДАЛАСЬ ПОЛИЦИИ

А чуть позже:

КТО ОТВЕТИТ ЗА ПЯТЬ СМЕРТЕЙ?

Однако по размытым газетным снимкам я не смог верно представить себе обвиняемую и потому совершенно не был готов к тому, что порог моего кабинета в полдень девятнадцатого июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года переступит высокая и очень красивая женщина.

Клаудия села на стул, скрестила длинные ноги и сложила на коленях руки. Ногти у нее были ярко-красные и идеально подпиленные; все пальцы – унизаны кольцами.

– Я весьма рада, что вы согласились встретиться, – произнесла она низким тягучим голосом. – Некоторые друзья считают, что из моей жизни получится интересная книга. Вы готовы записать мой рассказ?

– Не так-то это просто, – предупредил я. – Мне придется задавать очень личные вопросы, а вам – отвечать искренне, выворачивая всю душу. Может быть очень больно.

Она отчего-то потрогала горло.

– Мне нечего стыдиться: ни сейчас, ни в прошлом... Позвольте один вопрос, мистер Киз?

– Зовите меня просто Дэниел, – предложил я.

Она улыбнулась.

– Дэниел... это означает «суд Божий»... – Клаудия вдруг нахмурилась. – Я совсем забыла, что хотела спросить. Есть у меня такая беда... Никогда меня не перебивайте, иначе я потеряю ход мысли.

Мне стоило бы сразу прислушаться к ее словам и понять, что интервью с человеком, страдающим дефицитом внимания, станет мучением для нас обоих. Но Клаудия чем-то меня очаровала – может, тем, как причудливым образом сочетала в себе роковую чувственность и робость? – в общем, я почувал, что история и впрямь выйдет стоящей.

Клаудия снова вздохнула.

– О, вспомнила! Пожалуйста, объясните, как мы будем работать, если вы все-таки решите написать книгу. Я сама не умею водить машину и не могу докучать бесконечными просьбами друзьям...

– И не нужно. Когда завершится мой тур, я смогу раз в неделю приезжать в Колумбус, и мы с вами будем разговаривать часа два или три – сколько удастся освободить.

Она с облегчением перевела дух.

– Замечательно! Я уже подумывала, не придется ли нанять человека, чтобы тот меня возил, я ведь зарабатываю не так много...

По ее словам, она работала официанткой в баре «Сессион» отеля «Шератон», и ее зарплату составляли в основном чаевые.

– Пока я согласен всего лишь собрать первичный материал и посмотреть, получится ли из него сделать книгу, – напомнил я.

– Получится, – заверила она. – Это я могу сказать вам точно.

– Почему вам так хочется написать книгу? – спросил я.

Она вздохнула и отвела взгляд.

– То, что случилось в семьдесят восьмом году, до сих пор меня преследует. Если я увижу свою историю на страницах книги – как это было с Билли в «Таинственной истории», – то, надеюсь, сумею наконец изгнать призраков из памяти.

– Обещать ничего не могу.

– И не надо. Я уверена, что все получится. Вот увидите, – решительно заявила она.

Когда Клаудия ушла, в кабинете остался витать запах ее духов. Я какое-то время сидел и гадал, во что, собственно, ввязался.

* * *

Люди, с которыми я говорил про Клаудию, относились к ней по-разному. Прокуроры и полицейские, участвовавшие в расследовании, были уверены, что она все-таки замешана в убийстве или, по крайней мере, побывала на месте преступления.

А вот в средствах массовой информации ей по большей части сочувствовали; особенно в «Плейбое», где в декабре тысяча девятьсот семьдесят восьмого года появилась статья под заголовком «Клаудия на краю гибели». Авторы настойчиво заверяли, что все подробности преступления, раскрытые обвиняемой в ходе девятичасового допроса, были навязаны ей детективом. В семьдесят восьмом году проходили выборы, и многие журналисты – что в газетах, что на телевидении – считали, будто на следователей и прокуроров оказывали давление, вынуждая их поскорее раскрыть убийство. По всеобщему признанию, Клаудия стала жертвой полицейского произвола.

В общем, мысль о том, чтобы рассказать правду об этой красивой и загадочной женщине, крепко запала мне в душу.

К сожалению, книгу мне пришлось неоднократно переписывать.

* * *

Холодным осенним днем двадцать шестого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года, спустя четыре месяца после нашего знакомства, я поехал в Колумбус, чтобы взять у Клаудии первое интервью.

Парень, который нас познакомил, предупреждал, что район, где она живет, – самый криминальный в городе. Всякий раз, собираясь к ней в гости, он брал с собой пистолет.

Свернув в узкий проулок за домом, я припарковался, как Клаудия и просила, у черного хода. Стоял самый разгар дня, но на улице не было ни души, и я занервничал. Странное чувство – испытывать страх посреди белого дня. Прежде чем выйти, я внимательно огляделся, запер машину и торопливо зашагал к дверям Клаудии.

Она увидела меня в окно. Открыла дверь, чтобы впустить, и на пол вдруг с грохотом что-то упало.

Я чуть было не подпрыгнул со страху.

– Ох, черт! – воскликнула она. – Совсем про него забыла...

Клаудия наклонилась и подняла огромный мясницкий тесак.

– Это еще зачем?! – воскликнул я и попятился, во всех красках представив, как она вонзает клинок мне в грудь.

Клаудия удивленно захлопала глазами.

– Я втыкаю его в щель над дверью: если ночью вдруг вломятся, он упадет и разбудит меня. Эту квартиру уже три раза обворовывали. Я живу одна, и мне очень страшно. Вот и пытаюсь, как могу, обезопаситься.

Глубоко вдохнув несколько раз, я взял себя в руки и зашел в дом, Клаудия заперла замок и воткнула нож на место.

– Располагайтесь пока, – сказала она. – А я на минутку загляну в ванную.

Квартира была однокомнатной, кухонную зону отделяли от спальни и гостиной два шкафа, набитые всякой всячиной: косметикой, шампунями, витаминами, консервами. Пахло ароматным тальком и духами. На комод висела яркая открытка с толстой жабой и надписью: «Если с утра съесть лягушку, остаток дня обещает быть чудесным».

Слава богу, у этой женщины есть чувство юмора!

Я сдвинул лежащую на диване кипу старых газет со счетами, чтобы освободить себе место, на подлокотник кресла-качалки положил диктофон.

Увидев технику, Клаудия заметно помрачнела.

- Это еще зачем?

- Я всегда работаю с диктофоном. Чтобы иметь потом возможность прослушать наш разговор и убедиться, что я все понял верно.

- Ясно... - протянула она, села в кресло и слишком сильно его качнула. - Я такие штуки не люблю.

Я схватил диктофон, пока тот не упал, и переложил рядом с собой на диван.

- Вы скоро про него забудете.

- Вряд ли. - Она заметно напряглась и заставила себя расслабиться. - Впрочем, приступайте.

- Прежде всего я хотел бы побольше узнать про вас. Расскажите о своем детстве. Как вы росли, в каком окружении?

Клаудия покачала головой.

- Не помню. Детство у меня было несчастным - худшие годы в моей жизни.

Я хотел спросить почему, но, увидев слезы у нее на глазах, промолчал.

Она принялась рассказывать про свой арест, про следствие, про тюрьму, и я вдруг понял, что не я, а Клаудия искусно управляет ходом интервью.

Когда я вернулся и прослушал кассету, то обнаружил, что за три часа Клаудия не рассказала ровным счетом ничего нового - я и сам уже знал все подробности ее истории из газет.

Наверное, в тот момент мне стоило отказаться от работы. Однако история про убийства в Огайо семьдесят восьмого года уже крепко засела у меня в голове, и мне не терпелось понять, как именно Клаудия оказалась замешана в тех жутких событиях.

Книга первая. Клаудия и убийца с двадцать вторым калибром

Часть первая. Жертвы и подозреваемые

Глава первая

1

В Центральном Огайо стояла одна из самых холодных зим за всю историю страны. Штат только что пережил «Убийственную метель» семьдесят восьмого года, как ее прозвали в газетах. Губернатор Джеймс Родс, объявляя чрезвычайное положение, назвал метель «душегубом, жаждущим смертей».

В ночь на понедельник тринадцатого февраля Джордж Нэнс, заместитель шерифа округа Франклин, ехал по заледенелой семидесятой автомагистрали на обычный вызов – проверить дом на окраине города Колумбус. Менеджер клуба «Эльдорадо Микки» сообщил, что его шеф, Микки Маккан, и одна из танцовщиц, Кристин Хердман, которая жила вместе с боссом, второй день не появляются на работе и не отвечают на телефонные звонки.

Было уже почти десять вечера, когда Нэнс кое-как доехал до Онгаро-драйв. Огни роскошных коттеджей ярко освещали тихие заснеженные деревья и лужайки. Когда Нэнс припарковался возле дома Маккана, то заметил с правой

стороны подъездной дорожки зеленый микроавтобус.

Полицейский выбрался из машины и по глубоким сугробам побрел к небольшому крыльцу, освещенному горевшей в доме лампой. Нэнс позвонил в дверь, подергал за ручку, а когда никто не ответил, подошел к окну.

В коридоре на полу лежала женщина.

Нэнс бросился к машине, по радиации связался с диспетчером и описал увиденное. Он сообщил, что собирается зайти в дом и проверить, жива ли женщина или мертва, и попросил вызвать подкрепление и следователя.

Обойдя вокруг дома, Нэнс искал какие-нибудь следы, но их давно замело снегом. Увидев, что дверь рядом с гаражом приоткрыта, он осторожно зашел, держа оружие наготове, и попал на летнюю веранду с плетеной мебелью. На стенах висели африканские маски и копья. В помещении было жарко; Нэнс заметил, что термостат стоит на максимальной отметке.

В коридоре между верандой и гостиной лежала женщина лет семидесяти, одетая в халат поверх ситцевой ночной рубашки. Ей один раз выстрелили в плечо и три раза в голову. Волосы и лицо были залиты кровью. На забрызганном полу лежали гильзы двадцать второго калибра. По тошнотворному запаху Нэнс понял, что несчастная мертва уже более суток, а то и двух.

Он быстро осмотрел дом. Все матрасы валялись на полу, простыни были сорваны, содержимое шкафов – вывалено на кровать.

Когда Нэнс открыл дверь, ведущую из кухни в гараж, в лицо ему пахнуло холодным воздухом. Он включил свет и с ужасом увидел тело темноволосой молодой женщины. Она лежала на спине. Рядом среди рассыпанного содержимого ее сумочки стояли туфли. Рыжие брюки с разорванной до самого паха молнией были спущены до колен, под ними оказались белые трусики для выступлений, расшитые синим бисером. Женщине один раз выстрелили в правое плечо, два раза в лоб и один раз в правую щеку.

Кровь на лице уже замерзла.

Нэнс с облегчением услышал вой сирены. Первыми подоспели медики, затем местные полицейские.

* * *

Когда заместитель шерифа Нэнс около половины одиннадцатого потребовал подкрепление, его вызов приняли детективы округа Франклин Говард Чемп и Тони Рич.

Сержант Чемп, худощавый мужчина за сорок, с ранней сединой, был редким щеголем и всегда носил строгие костюмы-тройки, а еще золотые кольца с бриллиантами. Последние три года он возглавлял местное бюро по борьбе с организованной преступностью и наркотиками. Чемп был по натуре очень суровым, даже жестким.

Детектив Тони Рич, блондин с кудрявыми волосами, густыми усами и синим взглядом, производил впечатление человека очень задумчивого. Высокий – около ста восьмидесяти пяти сантиметров ростом, – он походил на бывшего футбольного игрока.

За те сорок пять минут, что они ехали из участка до Онгаро-драйв, детективы успели обменяться сведениями о Микки Маккане. Клуб «Эльдорадо Микки» (членство в котором получали владельцы «Кадиллаков» «Эльдорадо») располагался не в самой приятной западной части города, больше известной как «Днище». Рич, в частности, знал, что клуб собираются закрыть на полгода, потому что одна из тамошних танцовщиц вопреки запрету выступала голой в заведении, где продают спиртное. Однажды он даже бывал в этом клубе, чтобы встретиться с информатором, и тот познакомил его с владельцем. Впрочем, то был единственный раз, когда Рич лично видел Микки.

До Говарда Чемпа доходили слухи, что Маккан в дальней комнате устраивает игры в покер по высоким ставкам, а еще он сутенер и приторговывает наркотиками. Однако перед судом этот тип представал лишь один раз – пять лет назад, и то по пустячному обвинению в уклонении от уплаты налогов.

Когда они подъехали к дому Маккана, Чемп понял, что он самый старший детектив на месте преступления, поэтому взял расследование на себя. Он знал,

что дело будет крупным – самым крупным за всю его карьеру. Чемп выслушал доклад помощника шерифа Нэнса, прошелся по комнатам, велел Ричу сфотографировать дом изнутри и снаружи, а одному из патрульных – поставить над гильзами от патронов двадцать второго калибра перевернутые стаканы, чтобы их случайно не сдвинули до прибытия на место следственной группы.

Осмотрев оба трупа (как позднее выяснилось, то были мать Маккана и Кристин Хердман), Чемп хотел позвонить в участок, чтобы шериф Гарри Беркемер выписал ордер на арест Микки Маккана и ориентировку, но телефон не подавал признаков жизни. Провода в северо-западном углу дома оказались перерезаны.

– По радиации передавать не хочу, – сообщил Чемп Нэнсу. – Узнайте, может, кто из соседей разрешит позвонить от них.

Люди из дома напротив согласились разместить у себя в гостиной пункт связи, и Чемп побрел по глубокому снегу договариваться об аресте Микки. Он поблагодарил хозяев за гостеприимство и начал набирать нужный номер, но тут в дом забежал Тони Рич.

– Говард, забудь про ордер, пошли обратно. Микки там, в гараже, между стеной и машиной. Нэнс, видать, не заметил его за мусорными баками.

Чемп сообщил шерифу Беркемеру о тройном убийстве и вернулся в дом Маккана. Протиснувшись между приоткрытыми воротами гаража и «Кадиллаком», он посветил фонариком на пол.

Микки лежал на спине. Носок на правой ноге был стянут до щиколотки, брюки сползли на бедра. Ему прострелили правое колено. Голубую шелковую рубашку вытащили из-под ремня – видимо, искали пояс с деньгами. Парик перекосялся и съехал на ухо. В голове чернели дырки от пяти пуль: Маккану два раза выстрелили в лоб, два раза – в затылок, один – в рот.

Вскоре прибыла следственная группа; они обыскали дом, сфотографировали место преступления и собрали вещественные доказательства: шестнадцать пустых гильз от пуль двадцать второго калибра и два целых патрона, лежавших рядом с четырьмя орешками. Деревянная ручка женской сумочки, найденной в гараже, была расколота пулей. Красный «Кадиллак» с белым верхом у дальней стены гаража стоял со спущенным правым передним колесом, а в пассажирской

двери виднелась вмятина, как от рикошета.

В подвале был разобран потолок и сорваны стереодинамики, а деревянные панели со стен валялись на полу.

В панорамном окне гостиной темнела дыра от пули.

Чемп и Рич провели на месте преступления всю ночь. На следующий день в полдень, измученные и усталые, они вернулись в управление шерифа. На расследование самого крупного, самого жестокого убийства за всю историю округа Франклин бросили все силы. О сне можно было только мечтать: предстояло сделать заявление для прессы.

Репортеры буквально ворвались в крохотное помещение участка, наперебой задавая вопросы. Кто-то спросил Чемпа, не кажется ли ему, что выстрелы в голову выдают работу профессионального киллера.

– Могу сказать только одно, джентльмены: речь не о простой краже со взломом. Преступление было спланировано заранее. Возможно, стрельба стала результатом вооруженного ограбления. Все знали, что Микки держит при себе большие суммы денег. Видимо, первой застрелили его мать. Затем убийцы дождались Микки. Он со своей подругой Кристин Хердман угодил в засаду между четырьмя и пятью тридцатью утра в воскресенье, двенадцатого февраля.

«Источник, близкий к следствию» сообщил репортерам, что, по слухам, Маккан задолжал игрокам из Лас-Вегаса пятьдесят тысяч долларов. Другой «анонимный источник» предположил, что причиной всему стал дележ власти: преступный синдикат Цинциннати и Дейтона решил взять клуб «Эльдорадо Микки» под свой контроль.

* * *

Журнал «Колумбус ситизен джорнал» семнадцатого февраля семьдесят восьмого года выдал еще одну теорию:

ПРИЧИНОЙ ТРОЙНОГО УБИЙСТВА СТАЛ ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

При расследовании тройного убийства на Дальнем Западе выдвинули новую версию – любовный треугольник...

Характер смертей и череда предшествующих событий указывают на то, что преступление было совершено на почве страсти – так подозревают сыщики.

Следователи и впрямь рассматривали две версии любовного треугольника. Хотя самая молодая жертва – танцовщица из клуба Кристин Луиза Хердман – жила с Макканом уже не первый месяц, ее мужа, Джеймса Хердмана, все равно вызвали на допрос, но вскоре отпустили. В списке подозреваемых он не числился.

Другая версия подразумевала участие в любовном треугольнике помощницы Маккана, Мэри Фрэнсис Слэтцер, двадцати шести лет от роду. Чемп предположил, что та вполне могла приревновать Микки к Кристин, поэтому имела какое-то отношение к их смертям.

Раз за разом Чемп вызывал Мэри Слэтцер на допрос. Как она ни уверяла, что непричастна к убийствам, все равно Мэри оставалась главной подозреваемой, пока Чемп не проверил ее алиби: в тот день она была с отцом – патрульным вспомогательной полиции Бобом Слэтцером.

* * *

За следующие несколько недель после тройного убийства детективы опросили сотни связных и информаторов, всех сотрудников, родственников, друзей и бывших приятелей Микки Маккана, каждого завсегда клуба «Эльдорадо Микки». Мэри Слэтцер передала Чемпу записную книжку, куда Маккан заносил имена своих должников или людей, затаивших на него обиду. Чемп поручил Тони Ричу и Стиву Мартину, а также другим полицейским проверить все имена, но поиски ни к чему не привели. Список возможных исполнителей расширили, включив в него людей, которые могли бы иметь опыт совершения подобных убийств: байкеров, бывших сотрудников полиции, военных...

Когда обвинение против Мэри Слэтцер развалилось, других подозреваемых у Чемпа не осталось.

И тут на сцену вышла Клаудия Элейн Яско.

2

Ранним утром двенадцатого марта тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, ровно через месяц после убийства, патрульные Уильям Бринкман и Джордж Смит из полицейского управления города Колумбус во время смены зашли в круглосуточную блинную «Вестерн панкейк хаус» на северной окраине города.

Бринкман сразу обратил внимание на очень высокую красивую женщину с длинными темными волосами, которая вошла в блинную вместе с мужчиной и еще одной парой. Гости уселись за столик неподалеку и сделали заказ.

В какой-то момент в разговоре полицейских прозвучало имя Микки Маккана.

Высокая женщина вскоре встала и подошла к ним.

Бринкман заметил, что зеленые глаза у нее испуганно горят.

– Хотите узнать про убийство Маккана? – спросила она.

Бринкман улыбнулся:

– А вам что-то известно?

– Не то слово! – сказала женщина.

– Хорошо, тогда садитесь, – пригласил Смит. – Как вас зовут?

– Клаудия Яско, – представилась та, усаживаясь рядом со Смитом. – И у меня есть одна проблема. Вы должны увезти меня от моего приятеля.

– Вы про того парня, который вместе с вами?

– А, нет, это просто друг... Я говорю про Бобби Новатни, человека, с которым я живу в одной квартире. Он хочет меня убить. Вы ведь поможете мне от него съехать?

– Увы, – сказал Смит. – Он пока не совершил ничего криминального.

– Вы что-то говорили про убийство Маккана? – напомнил Бринкман.

Женщина по-детски закивала головой.

– Я много про него знаю.

Торопливо отвечая на вопросы полицейских, она рассказала, что разведена и живет под девичьей фамилией. Еще что работает официанткой в «Картинной галерее» – ресторане на Хай-стрит.

– Микки Маккан туда часто приходил, – сказала она. – А до этого видел меня в «Латинском квартале», там я прежде работала. Он видел, как я танцую, и предлагал работать у него, денег сулил в два раза больше. Но я не пошла, ведь все знают, что у Микки официанткам и танцовщицам приходится подрабатывать проститутками.

Бринкман напряг память, вспоминая, что ему известно про место преступления.

– Ладно, Клаудия. Вы можете сказать, что было необычного в доме Маккана?

– В смысле, вроде картин?

– Да, да, – кивнул Смит. – О них что-то можете сообщить?

– Их все сняли со стен.

– Зачем их было снимать? – уточнил Бринкман.

Она лукаво на него глянула.

– Можно и самим догадаться.

– Можно. Но я хочу, чтобы вы сказали.

– Искали деньги и наркотики. Все знали, что Микки прячет свое добро за картинами.

Бринкман не помнил, писали ли про картины в газетах, поэтому задумался, позвонить ли в управление шерифа округа Франклина прямо сейчас – в четыре утра – или все-таки дождаться, когда на службу заступит детектив, отвечающий за расследование. На всякий случай он записал адрес Клаудии Яско.

– Думаю, вам лучше всего переехать в другую квартиру и не сообщать вашему приятелю свой новый адрес, – предложил Смит.

– Хорошо, но если со мной что случится, то запомните: его зовут Роберт Рэймонд Новатни, а его друга – Дено Константин Политис.

Клаудия нетвердой походкой вернулась к друзьям, о чем-то пошептала с ними, и они, расплатившись за завтрак, встали. На прощание она повернулась и помахала патрульным рукой.

Хотя тройное убийство произошло в округе Франклин, вне юрисдикции городского департамента, Бринкман следил за этим делом. Он знал, что при каждом громком преступлении неизбежно объявляются два типа людей: психически неуравновешенные личности, которые норовят хоть как-то поучаствовать в волнующих душу событиях и попасть на страницы газет, и, другой тип, подражатели.

Сперва Бринкман решил, что Клаудия Яско из числа первых и к убийствам никакого отношения не имеет. Однако глядя ей вслед, засомневался. Лучше проявить осмотрительность и не позволить этой женщине задурить ему голову своей красотой. Бросив последний взгляд на точеную фигуру в дверях, он повернулся к Смицу.

– Наверное, надо утром позвонить в департамент шерифа.

Детектив Говард Чемп вместе со своим братом детективом Доном Чемпом подъехал к дому номер тысяча сто двадцать шесть по Саут-Уилсон-авеню и постучал в парадную дверь. После недолгого ожидания за дверью послышались шаги, и в окно настороженно выглянул мужчина: молодой, темноволосый, с усиками и аккуратно подстриженной козлиной бородкой.

– Из управления шерифа, – представился Говард Чемп. – Хотели бы поговорить с жильцами этого дома.

– Мы не одеты, – сказал мужчина. – Сейчас, только накинем что-нибудь.

– Хорошо, подождем, – согласился Чемп.

Накануне утром Говарду сообщили про странную встречу в блинной «Вестерн панкейк хаус». Поскольку ресторан «Картинная галерея», где работала Клаудия, находился всего в паре кварталов от полицейского управления, Чемп решил тем же вечером навестить ее в гости.

Обеденный зал «Картинной галереи» был оформлен в стиле борделя девятнадцатого века: со стенами, обитыми красным бархатом, и хрустальными подсвечниками. Официантки носили черные обтягивающие брюки и блестящие жилеты. На сцене танцевали две полуголые женщины.

Когда Чемп представился и спросил, где можно найти мисс Яско, блондин-менеджер заявил, что Клаудия занята и не будет разговаривать с полицейскими в клубе, если у них нет ордера. Поэтому Говард решил нанести ей визит. Он позвонил своему брату Дону, тоже работающему в полиции, и попросил быть свидетелем допроса.

Теперь, топчась на крыльце, Говард подозревал, что и этот день пройдет впустую.

Наконец бородатый мужчина вернулся и отпер дверь. Он был высоким – метр восемьдесят – худым и довольно мрачным на вид.

– Как вас зовут? – спросил Дон Чепп, когда они вошли в дом.

– Роберт Рэймонд Новатни. Так в чем дело?

– Я знаю, что здесь живет молодая женщина по имени Клаудия Яско, – сообщил Говард Чепп. – Мы хотели бы задать ей пару вопросов.

Новатни указал в сторону лестницы, приглашая их пройти на второй этаж. Полицейские последовали за ним и очутились в гостиной – довольно обшарпанной, но чистой. Полки были заставлены научной фантастикой и книгами по психологии и философии.

– Кто здесь такой книголюб? – спросил Дон Чепп, и Новатни смерил его злым взглядом.

– Я.

Из спальни, шаркая ногами, на шум вышла высокая женщина в белой рубашке, видимо, не совсем проснувшаяся.

– Ты зачем меня разбудил, Бобби?.. – пробормотала она. – Что такое?

– Утром перед сном приняла лекарство, – пояснил Новатни. – Она работает до трех, поэтому спать ложится часа в четыре, а то и в пять, и если ее поднять раньше двенадцати, будет как зомби.

Глаза у женщины были закрыты, она сонно покачивалась из стороны в сторону.

– Эй, Лоди! – окликнул ее Новатни. – Очнись.

– Вы Клаудия Яско? – спросил Говард.

Женщина кивнула, по-прежнему не открывая глаз.

– Мы из окружного управления шерифа, хотели бы с вами, Клаудия, поговорить. Вы должны нам помочь.

Она кое-как разлепила веки, став похожей на прищурившуюся кошку.

- Я?.. Помочь? Прямо сейчас?..

- Начнем с того, какие препараты вы приняли, - уточнил Говард.

- Халдол[1 - Халдол - нейролептик, применяется при шизофрении, маниакальных состояниях, психозах и других заболеваниях, сопровождающихся галлюцинациями и психомоторным возбуждением (здесь и далее прим. переводчика).] и когентин[2 - Когентин - препарат, используемый для устранения нейролептических расстройств.]. Это лекарства, их мне выписал врач. Наркотики я не принимаю.

- Это хорошо, - сказал Дон Чемп. - И где вы берете эти препараты?

Клаудия, до того смотревшая на Говарда, резко повернулась к Дону и, потеряв равновесие, чуть на него не упала.

- У-у-упс, простите... Я еще толком не проснулась. Что вы спросили?..

- Я спросил, где вы берете препараты?

- У меня проблемы с психикой. Халдол - очень сильный психотропный препарат. Вы же в курсе, зачем он нужен?

Дон Чемп кивнул.

- Так вот, их выписывает мне психиатр, он лечит меня от шизофрении. Скрытого типа. Ну, вы и сами, наверное, знаете, что это такое...

- Лучше расскажите, - попросил Говард.

- Это когда временами я отключаюсь, но по большей части в себе. Еще бывает другой вид шизофрении, когда... А, ну да ладно. А то совсем запутаетесь.

- Да, именно, Клаудия... Или лучше Лоди?

Он улыбнулась и кивнула в сторону Новатни.

- Так меня прозвал Бобби.

- Что ж, тогда, наверное, пусть будет Клаудия. Мы хотели бы поговорить с вами обоими наедине. Хорошо? Мой брат, Дон, пообщается с Бобби на кухне, а мы с вами останемся здесь.

Она пожала плечами очень чувственным тягучим движением. Даже в полубессознательном состоянии эта женщина излучала сексуальность.

- Клаудия, вы завтракали недавно в блинной «Вестерн панкейк хаус» на севере Колумбуса?

- Вы про ту закусочную в «Патио-центр» на Морс-роуд?

- Да, про нее.

Она задумалась на минуту, потом смущенно подняла глаза.

- А о чем вы спрашивали?

- Вы были там?

- Да, завтракала.

- И вы разговаривали с двумя полицейскими?

- Я... не помню...

Она протяжно зевнула.

- С патрульными Бринкманом и Смитом. Вы подошли и сказали, что знаете подробности убийства Микки Маккана.

Клаудия вдруг встrepенулась и, разом придя в себя, испуганно посмотрела в сторону кухни.

- Здесь я не могу об этом говорить!

- Почему?

- Бобби меня убьет. Все, я покойница!

- Может, лучше поедem в участок?

- Тогда вам надо сказать Бобби, что вы меня арестовываете... Из-за фальшивого чека, например. Только вытащите меня отсюда!

- Хорошо, - сказал Чемп. - Я все устрою.

Телефона в доме не было, поэтому Говард прошел на кухню и попросил брата связаться с участком по радиии из автомобиля.

- Обычная процедура, - заверил он Новатни, который заметно разволновался. - Слушайте, а у вас есть кофе? Лоди буквально валится с ног. Может, хоть с кофеином проснется?

Новатни достал из шкафа початую банку. Сыпанул в чашку три полных ложки растворимого кофе, плеснул горячей воды из-под крана, размешал и шагнул было к гостиной. Однако Говард его остановил.

- Подождите, пожалуйста, моего брата здесь, на кухне. Я сам отнесу ей кофе. Надо задать Лоди еще пару вопросов.

В гостиной оказалось, что Клаудия уже дремлет, положив голову на подлокотник дивана.

- Вот, это вас разбудит, - сказал Говард, поднося кружку к ее губам. - Бобби специально заварил покрепче.

Она открыла глаза, уставилась на Чемпа и послушно отхлебнула кофе. Но тут же выплюнула его обратно в кружку.

- Что за черт! Я не могу пить эту гадость!

Было слышно, как нервно расхаживает по кухне Новатни, очевидно переживая, чтобы Клаудия не сболтнула лишнего.

- Чья это квартира? Ваша или Бобби?

- Общая. Но сейчас за аренду и по счетам плачу я, потому что Бобби не работает. Хотя обычно мы делим расходы пополам.

- Оружие в доме имеется?

Она молча уставилась на него, явно раздумывая над ответом. Наконец кивнула.

- Есть пистолет в спальне, и еще один в столовой; и в машине у меня тоже. Бобби купил мне «дерринджер»[3 - «Дерринджер» - пистолет простейшей конструкции, как правило, карманного размера.] для защиты. Но что толку от оружия, если я все равно не смогу выстрелить в человека?

- Вы не против, если мы обыщем дом?

- А разве вам ордер не нужен?

- Если разрешите, то не нужен.

- Ладно, я не против... Вы поэтому и спрашивали, чья квартира, да?

Чемп кивнул.

- Бобби ведь тоже должен дать разрешение, разве нет?

- Давайте у него спросим? - предложил Чемп, за руку ведя ее на кухню, где Новатни все еще метался из угла в угол. - Эй, Бобби, вы же с Клаудией не

станете возражать, если мы с братом осмотрим вашу квартиру? Ордера у нас, правда, пока нет, и вы вправе отказаться.

У Новатни забегали глаза. Стараясь сохранять спокойствие, он оперся на раковину.

– А что будете искать?

– Всего лишь оружие, – заверил Чемп.

Новатни сглотнул.

– Ну, если просто оружие, тогда ладно...

Тут вернулся Дон Чемп и отвел брата в сторону.

– У Новатни есть приводы. Так, по мелочи. На девчонку ничего найти не могу.

– Вообще ничего?

– Я сделал запрос и в наше управление, и в центральное. Пока ничего.

– Хорошо, – сказал Говард. – Они разрешили обыскать квартиру. Давай посмотрим, что тут есть.

Обнаружили пистолет тридцать восьмого калибра, сорок пятый и двадцать второй, еще «дерринджер» Клаудии. В спальне нашлось немного марихуаны, и Новатни заметно приуныл, однако Говард Чемп напомнил, что их интересует только оружие.

– Пистолеты мы заберем, чтобы пробить по базе, – сказал Дон. – Вам сообщат, когда их можно будет вернуть.

Снова оставшись с Клаудией наедине в гостиной, Говард спросил: правда ли ей что-то известно про убийства в доме Маккана?

– При Бобби я ничего говорить не стану – вдруг он услышит. Просто скажите ему, что везете меня в участок.

Клаудия к тому времени заметно взбодрилась, хотя время от времени протяжно позевывала.

– Давайте уже поедem поскорей, – предложила она.

– Может, сперва оденетесь? – напомнил Говард. – В участок мы уже сообщили. Оттуда сейчас подъедут, и мы отправимся.

Она ушла в спальню и вскоре вернулась в черном платье.

– Бобби! – крикнула Клаудия через стену. – Меня арестовывают из-за фальшивых чеков. Придется ехать в участок.

Наконец прибыли капитан Хердман (никак не связанный с Кристиной Хердман) и лейтенант Дэви. Говарду не терпелось отправиться в путь. Из всех, кого он успел допросить к тому времени, Клаудия Яско первая призналась, что якобы что-то знает про убийства, поэтому хотелось торжественно доставить ее в участок на глазах у всего начальства.

– А мне с ней можно? – спросил Новатни, нервничая оттого, что Клаудия будет говорить с полицией не в его присутствии. – Я хотел бы поехать вместе с вами.

– Простите, нельзя, – покачал головой Дон. – Протокол не позволяет.

– Я вызову адвоката.

– Тогда поспешите, – сказал Говард.

Клаудия накинула коричневое пальто и вышла вместе с детективами, поглубже запахнув воротник на холодном мартовском ветру. Когда они садились в полицейскую машину без опознавательных знаков – Дон за рулем, а Говард сзади, рядом с Клаудией, – Новатни стремглав побежал к соседям, чтобы от них позвонить.

Стоило тронуться с места – Хердман и Дэви выехали на второй машине вслед за ними, – как Клаудия уронила голову на спинку кресла и протяжно выдохнула.

– О господи!.. Я уже думала, никогда оттуда не выберусь. Ни за что в ту квартиру больше не вернусь. Вы ведь поможете мне съехать?

Теперь, окончательно проснувшись и будучи на грани истерики. Клаудия заговорила очень быстро. По ее словам, Новатни крепко сидел на героине и, чтобы заработать денег, приторговывал наркотиками.

– Причем по счетам плачу я одна, он не дает ни цента. Все, что есть, пускает по вене.

Чемп не спешил расспрашивать ее про убийство Маккана, пока они не окажутся в участке. Еще он не стал зачитывать ей права: предпочел повременить, чуя, что и впрямь напал на важный след.

– Не понимаю, зачем вы с ним живете, – заговорил он. – Вы же не просто красивая женщина, еще и умная...

Клаудия рассмеялась – ласково и чувственно.

– Насчет умной Бобби с вами не согласился бы. Из-за моих проблем с психикой он считает меня чокнутой. Обсуждает свои делишки с Дено Политисом прямиком в моем присутствии – я же слишком тупая, чтоб их понять.

– И часто такое бывает?

– Случается. Бобби порой заставляет меня делать то, что я не хочу. Я могла такого бы рассказать – в жизни не поверите!

Чемп улыбнулся.

– Уверяю, я готов поверить каждому вашему слову.

Она болтала без умолку все пятнадцать минут, что они ехали до центра. Чемп старательно слушал, но когда речь заходила про убийства, всякий раз

переводил тему.

Дон припарковался на Фронт-стрит возле главного входа в управление шерифа, и Говард помог Клаудии выйти из машины. К ним присоединились Хердман и Дэви.

Клаудия вдруг попятилась, уставившись на Говарда так, будто ее предали.

– Это же окружная тюрьма! В тюрьму я не хочу! – закричала она. – Вы зачем меня сюда привезли? За что меня арестовали?!

– Клаудия, никто вас не арестовывал. Вы здесь просто потому, что согласились предоставить нам ценную информацию. На втором этаже управление шерифа. Там мы сможем поговорить спокойно.

4

Когда Говард помогал Клаудии снять пальто, то заметил на воротнике пятно, похожее на засохшую кровь. Однако говорить ничего не стал. Рано. Сперва он применит весь свой опыт, накопленный за годы работы полиграфологом, завоеует ее доверие, проверит, что ей известно, – и вытянет всю правду.

Он решил, что в кабинете капитана Хердмана им будет уютнее, чем в общем отделе. Капитан достал большой катушечный магнитофон и водрузил на стол. Дон Чемп и лейтенант Дэви тихонько вышли.

Клаудия села, Говард включил магнитофон и повернул микрофон в ее сторону.

– Клаудия... – начал он. – Прежде всего я хочу, чтобы вы полностью сознавали, с кем говорите. Я сержант Говард Чемп. Это – капитан Рон Хердман. Он представляет следственный отдел департамента шерифа округа Франклин. Я работаю вместе с ним. В настоящий момент я расследую тройное убийство, которое произошло на западной окраине Колумбуса двенадцатого февраля тысяча девятьсот семьдесят восьмого года. Сейчас вы находитесь в департаменте шерифа округа Франклин. Все верно?

- Да.

- Вы пришли сюда добровольно, чтобы сообщить нам какую-то информацию?

- Разве? - удивилась та.

- Вас привезли силой?

- Нет.

- Вы полагаете, что у вас есть какие-то важные сведения касательно убийства в доме Маккана?

- Правда?..

- Вы не против, если я буду звать вас Лоди?

- Не против.

- Лоди, дело в том, что речь об очень серьезном преступлении. По закону я обязан рассказать вам о ваших правах. Вы же умеете читать?

Клаудия взяла протянутую карточку и, как было велено, зачитала вслух напечатанный на ней текст. Когда дошла до слов: «Я ознакомилась с моими правами, указанными выше, и четко сознаю, в чем они заключаются», - вдруг заартачилась:

- Если честно, я мало что поняла. Все так запутанно и странно...

- Дайте карточку, - велел Чемп.

Он медленно прочитал текст, после каждого пункта делая паузу и спрашивая, все ли ясно. Но когда добрался до финальной фразы, Клаудия опять сказала:

- Не совсем.

- Что вам непонятно? – спросил Чемп, еле сдерживая раздражение.

- Я боюсь, вдруг они узнают, что это я их сдала. И хочу гарантий. Хочу знать, что мои слова не обернутся против меня самой.

- Вы про Роберта Новатни и Дено Политиса? – уточнил Чемп.

- Именно. Я хочу, чтобы Дено и Бобби думали, будто вы вышли на них каким-то другим путем.

- Лоди, то, о чем вы говорите – это совсем иной вопрос, он никак не связан с вашими правами. Как только мы узнаем все, что вы хотели сказать, то подумаем, можно ли свести ваше участие в расследовании к минимуму. Пока я не понимаю, о чем вообще речь.

- Ладно.

Еще около часа они втолковывали Клаудии ее права. Наконец Чемп медленно произнес:

- Вот ваши права, гарантированные Конституцией. Все ясно?

- Да, – кивнула Клаудия.

Чемп попросил ее зафиксировать этот факт своей подписью и указать время – четырнадцать тридцать пять – и дату.

- Сегодня четырнадцатое марта, – подсказал он.

- Боюсь, я не смогу это написать, – пожаловалась Клаудия. – Из-за таблеток я как в тумане. Четыре... три... А какой сейчас год?

- Тысяча девятьсот семьдесят восьмой, – напомнил Говард.

- А можно мне воды?

– Конечно. Или лучше кофе?

– Да, спасибо. У этих таблеток ужасные побочные эффекты. Постоянно хочется пить.

Задав еще несколько формальных вопросов, Чемп напомнил главную свою задачу – выяснить, что Клаудии известно про убийство в доме Маккана.

– У вас есть какие-нибудь сведения об этом преступлении?

Клаудия ответила утвердительно.

– Вы были знакомы с Микки Макканом?

– Лично – нет.

– А с его матерью?

– Да.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Когда меня пригласили на ужин в их дом.

– О, так вы бывали у нее дома?! – удивленно переспросил Чемп. – И как часто?

– Последние три года каждые шесть месяцев. Сколько это будет раз?.. Не могу посчитать.

– Кто же вас приглашал?

– Мамуля, – сказала Клаудия, подразумевая мать Маккана.

В кабинет вошел лейтенант Дэви и сел рядом с капитаном Хердманом. Чемп попросил Клаудию описать дом, и той это удалось. Она сказала, что снаружи он выкрашен бежевой краской, и его окружают невысокие кусты. Этаж всего один.

На кухне – много шкафов; по ее словам, «мамуля» прекрасно готовит.

– Ах да! Я кое-что вспомнила про стол! У них раньше был антикварный стол, такой тяжелый, из цельной древесины, и... точно не знаю, но, наверное, если снять столешницу, под ней были тайники с наркотиками. Только этот стол убрали из дома за пару недель до... как вы говорите – тройного убийства? Значит, про четвертое тело вы не знаете?..

– Нет, про четвертое тело мы ничего не знаем, – напряженно ответил Чемп. – Продолжайте.

– Ладно, пусть будет тройное убийство. В общем, стол убрали. Картины со стен тоже сняли.

– Скажите, когда вы последний раз были в доме? – уточнил Чемп.

– Накануне Дня святого Валентина. Он же четырнадцатого февраля, верно? А я была там за пару дней до... В воскресенье, двенадцатого. Никогда не забуду двенадцатое февраля!

– Почему?

– Смеетесь, что ли? В тот день убили четверых человек!

– О каких именно убийствах идет речь?

Клаудия растерянно захлопала глазами.

– Мы что, о разных событиях говорим?

– Это я и хотел узнать. Почему двенадцатое февраля так запало вам в память?

– В тот день... В тот день убили мамулю, Микки, Крисси и ту, другую девушку.

– Хорошо. Позвольте тогда спросить еще вот что... С кем вы были в доме Макканов?

- Меня привез Новатни. Он сидел за рулем.

- А еще кто?

- С нами в машине больше никого не было, но сразу после нас приехал Политис... На машине своей подружки. Видите ли, [имя удалено] совсем недавно выпустили из лечебницы. И она сделала бы все, что ей скажут. Даже не спросила бы зачем... Она вроде меня. Они нарочно используют таких [как мы]. Мы ведь не сознаем, что творим. Вот и случается всякое...

- [Она] заходила в дом?

- Вряд ли. Я ее не видела. И не думаю, что она там бывала прежде.

Чемп еле сдержал ругательства.

- А вы заходили в дом? Мы говорим про ту ночь, когда убили Микки, мамулю и Крисси. Вы тогда в дом заходили?

- Да.

- Ладно, и что первое вам бросилось в глаза, когда вы вошли?..

- Ну, мы вошли через заднюю дверь, поэтому оказались сразу на кухне...

- ...А Микки и Крисси уже были дома?

- Я не помню...

- Мамулю вы видели?

- О да. Она так плакала... была ужасно расстроена. Я пыталась ее успокоить, но ни слова не понимала из того, что она говорит.

- Дено ей что-нибудь сказал?

- Угу! Велел заткнуться и вообще дал понять, что терпеть ее истерики не намерен.

- Где все это происходило?

- На кухне.

- На кухне?

- Мамуля была там, когда я зашла через заднюю дверь. Стояла, прислонившись к шкафчику возле раковины, держалась за голову и жаловалась, что та очень сильно болит.

- Лоди, вы видели, как ее застрелили? Я знаю, вам этого не хотелось, но вы были там?

- Да... - прошептала она.

- И кто ее застрелил?.. Кто нажал на спусковой крючок?

- Дено.

Чемп заерзал на стуле.

- Итак, вы утверждаете - будучи в твердом уме и здоровой памяти, - что видели, как миссис Маккан - которую вы называете «мамуля» - была убита на ваших глазах. Все верно?

- Мне неприятно об этом говорить.

- Но вы это видели?

- Вы же меня защитите, да? И потом мне ничего не будет?

- Мы обеспечим необходимые меры защиты и оградим вас от влияния преступников.

- Мне не придется повторять все в зале суда, прямо у них на глазах?

- Этого, Лоди, я обещать не могу. Но с данного момента вы под нашей защитой... и если мне, по вашему мнению, не хватает полномочий, то вот он [лейтенант]...

Лейтенант Дэви подался вперед.

- Простите, я присутствовал не с самого начала допроса... Так что там насчет «четвертого тела»?

Клаудия нетерпеливо принялась объяснять:

- Видите ли, изначальный план заключался в том, чтобы вывезти тела «мамули», Микки, Крисси и той, четвертой девушки, проститутки, из дома... Надо было как-то избавиться от них. Однако забрать успели только одну.

- Давайте будем двигаться постепенно, - перебил Чемп, испытывая раздражение от того, как Клаудия прыгает с темы на тему. - Итак, вы были рядом, когда убили миссис Маккан?

- Да, всего в паре метров.

- И где именно это произошло? В какой части дома?

- На кухне.

Чемп прекрасно знал, что мать застрелили в коридоре рядом с камином.

- Точно на кухне?

- Да, она упала. Но, видите ли, они хотели убрать тела, поэтому переносили их с места на место и вещи переставляли. Сняли со стен картины. А первым делом оборвали телефонный провод, перерезали его...

- Микки уже был в доме?

- Он еще не приехал.

- Хорошо, а чем занимались Дено Политис и Роберт Новатни, пока ждали Микки?

- Говорили про деньги... Про пятьдесят штук и наркотики: то ли героин, то ли кокаин.

- Они рассчитывали найти у Микки пятьдесят тысяч долларов?

Клаудия кивнула.

- Они точно знали, что у него такие деньги есть.

- Откуда?

- Был другой Микки, по прозвищу Двумикий. И он знал, что...

- Сколько людей участвовало в преступлении?

- В Крисси стреляли сразу двое. Один попал в горло. А второй - в голову. Так страшно было...

- Вы видели, как ее убили?

- Я была там, но не смотрела. Когда стреляли, нарочно отвернулась. Я знаю, что мозги у меня работают не как надо... Ничего не помню. Все так запуталось в голове...

- Хорошо, а где был Микки, когда застрелили Крисси? Где он стоял?

- Думаю, возле дома где-то или вообще на улице.

Чемп своими глазами видел труп Маккана в гараже между «Кадиллаком» и стеной.

- Вы точно ничего не путаете?

– Может, и путаю. Я все пытаюсь вспомнить... Даже не знаю, где я была в тот момент. Никак не могу вспомнить, где был Бобби и Дено, и другой Микки, который Дзуликий, и остальные...

Чемп был крайне раздосадован. Что-то из ее рассказа мог знать только человек, побывавший на месте преступления. Однако многие детали не вязались – будто Клаудия путала реальность и свои фантазии.

Он спросил, что сделали с Кристин Хердман после ее смерти.

– Вы про то, что с нее сняли туфли? – спросила Клаудия.

– Вы видели, как их снимают?

– Их сняли, потому что искали наркотики... Я не знаю, в самом деле она прятала в туфлях героин, или просто они так думали...

– Ладно, – вздохнул Чемп. – Давайте вернемся назад. Кто застрелил Крисси?

– Точно не помню. Не Дено и не Бобби. И не Микки Дзуликий. Это был тот, другой мужчина, я не знаю, как его зовут. Даже не уверена, что смогу узнать его в лицо.

– Лоди, а где застрелили Крисси? Вы же были там. И знаете, где она умерла.

– Думаю, что в спальне.

– Ее убили не в спальне, – размеренно произнес Чемп.

– Но с нею говорили в спальне перед тем, как ее убить.

– Вы знаете, сколько раз в нее стреляли?

– В Крисси? Много... Прямо в глотку. Рот у нее был открыт. Почти все пули попали в голову. Не в грудь – это я точно помню. До сих пор в кошмарах вижу, как грудь у нее поднимается и опадает, сердце качает кровь, и та льется все сильнее... Так и хлещет изо рта.

– Я должен кое-что сказать, – резко произнес Чемп. – Я вам не верю!

– Почему?! – ахнула Клаудия.

– Просто не верю. Я своими глазами видел, что там было. Я одним из первых прибыл на место преступления – и поэтому не верю ни единому вашему слову.

– Если я говорю что-то не так, – хрипло прошептала Клаудия, – то не нарочно. Я вовсе не хотела вам лгать.

Пристально посмотрев на нее, Чемп попросил показать, в какой позе лежала Крисси.

Клаудия легла на пол, вытянувшись во весь рост и раскинув руки и ноги – в точности как надо. Однако она не сумела сообщить, что именно у Крисси забрали из вещей и где все происходило. Наконец, сдавшись, Клаудия сказала, что ту убили в гостиной.

– Мне так кажется... – добавила она.

– Если вы там были, казаться вам не должно. Может, есть нечто такое... о чем вы просто боитесь рассказать?

– Да... – прошептала она. – Поэтому я начинаю врать.

– Я не хочу, чтобы вы мне врали.

– Но я вру. До какого-то момента я честна, а потом начинаю врать.

– Ладно. Может быть, все-таки скажете правду?

– Нет.

– Почему вы не хотите ее сказать?

– Потому что были некоторые моменты, о которых знают только те, кто там находился. И тогда, если они всплывут на суде, Новатни и Политис сразу узнают, что это я их выдала.

Чемп напомнил, что обещал ей защиту, и посоветовал не возвращаться больше в квартиру к Новатни. Полиция все уладит – но взамен Клаудии придется быть с ними честной.

Клаудия описала рассыпанные на полу орехи, красную записную книжку Крисси, одежду, в которой были жертвы, то, как валялись вещи. Все – абсолютно правильно. Однако когда Чемп попросил рассказать о местонахождении тел, она опять все перепутала. Чемп раз за разом просил ее описать момент убийства и спрашивал, где она находилась, когда убили Крисси.

– Я все пытаюсь представить себя где-нибудь, но не могу... Просто пустота перед глазами. Словно я была в отрыве от реальности.

Чемп заговорил мягче, будто строгий и справедливый отец:

– Лоди, вы, конечно, можете на этом закончить... Но вы молодая женщина, очень привлекательная – вам придется жить с этим грузом до конца ваших дней.

Она, казалось, вот-вот расплачется.

– Если кого-то из-за меня посадят, я все равно уже покойница.

Чемп задавал вопросы снова и снова и с каждым разом давил все сильнее, заставляя Клаудию вспоминать новые детали. Наконец, восемь часов спустя, когда он в очередной раз спросил, кто держал пистолет, из которого убили Кристин, Клаудия сдалась:

– Я буду с вами абсолютно честна, но мне придется это показать.

– Делайте, что хотите, только скажите правду.

– Тогда говорю чистейшую правду. Пистолет был в моей руке, в левой – я левша, – но мне не хватало сил нажать на спусковой крючок, он был слишком

тугим... Поэтому Бобби встал рядом, ну, вроде как позади, положил сверху свою руку и... – Она бахнула, изображая выстрел. – Вот и вся правда.

Чемп перешел к описанию гибели Микки Маккана.

– Кто стрелял в него?

– Бобби.

– А еще?

– Я держала пистолет. Как с Крисси. Палец был на курке, но нажать я не могла, поэтому Бобби положил руку сверху и надавил.

Допрос продолжался уже девятый час, поэтому Чемп наконец сдался:

– Ладно. Думаю, вы, Лоди, устали, давайте на сегодня закончим... Вы ведь говорили сейчас искренне, сказали чистую правду?

Она нервно рассмеялась.

– Мне нелегко быть с вами искренней.

– Это понятно.

– В самом начале я врала.

– Потому что все произошло слишком близко, на ваших глазах?

– Потому что это я отняла у них жизнь, разве непонятно?

– Ясно...

Было уже пол-одиннадцатого вечера. Чемп велел сопроводить свою главную подозреваемую в отель «Рамада», разместить у дверей номера полицейского-мужчину, а внутри, вместе с Клаудией – женщину.

– У вас есть какие-нибудь жалобы на процедуру допроса? – уточнил Чемп под конец.

– Нет-нет-нет! Вы были очень любезны.

5

Следующим утром капитан Хердман позвонил в окружную прокуратуру Франклина и попросил о консультации. Помочь ему вызвался помощник прокурора Джеймс О’Грейди; он приехал, изучил материалы дела и внимательно прослушал запись допроса, причем некоторые фрагменты – по несколько раз.

– Новатни и Политиса уже взяли? – спросил он Чемпа.

– Пока нет. Выслали за ними патруль, но этих двоих нигде не могут найти.

– Улик для суда уже более чем достаточно, – подытожил О’Грейди. – И есть все основания для ареста этой женщины. Хотя лично я не стал бы предъявлять ей обвинения, пока не возьмут сообщников.

В три часа пополудни Клаудию привезли из отеля «Рамада» в управление шерифа, и Чемп с О’Грейди снова ее допросили: их смущало, что в показаниях есть нестыковки. Клаудия в точности описала дом и нанесенные жертвам увечья, но с месторасположением тел опять ошиблась. Она правильно запомнила, где стоял в гараже снегоочиститель, однако красный «Кадиллак» Микки назвала «маленькой иномаркой». Микки нашли в гараже, но, по ее словам, застрелили его снаружи, в снегу. Еще она неожиданно вспомнила, что в раковине стояла синяя миска с недоеденными хлопьями. Таких мелких деталей никто не помнил, поэтому Чемп отправил в дом Маккана патрульного проверить.

Через несколько минут ему передали, что с Клаудией хочет поговорить адвокат Лью Дай. Когда Чемп сообщил об этом Клаудии, та замотала головой:

– Он адвокат Бобби. Не хочу его видеть. А говорить – тем более.

– Хорошо, – сказал Чемп. – Не хотите – и не надо.

Чемп знал, что Лью Дай специализируется на уголовных делах, и основные его клиенты – проститутки, наркоторговцы и сутенеры, и что сам Дай называет себя «адвокатом для бедных». Его автомобиль – золотисто-черный «Роллс-Ройс» с номерными знаками «ЛЬЮ ДАЙ» – был знаком каждому обитателю Немецкой деревни[4 - Немецкая деревня – исторический квартал Колумбуса времен XIX века.] Колумбуса – ближайшего к тюрьме района.

Говард Чемп терпеть не мог этого типа и ни капли ему не доверял.

6

Направляясь в кабинет шерифа, Лью Дай широкими шагами пересек двор, отделявший тюрьму от здания суда. Дай был мужчиной среднего роста и плотного сложения, со светлыми волосами, зачесанными набок, чтобы прикрыть залысины. Бледно-голубые глаза глубоко сидели в глазницах, отчего вид у него всегда был крайне хмурым.

Бобби Новатни позвонил ему после того, как Клаудию забрали на допрос.

– Дело могут запросто сфабриковать, – сказал он. – Бог знает, что эта дура наплетет Чемпу.

Бобби был прав. Дай пару раз встречал Клаудию, и у него сложилось впечатление, что она очень легко поддается внушению.

– Проверьте, правда ли ее арестовали, и в чем тогда обвиняют, – попросил Бобби.

Дай обещал, что сделает все возможное. Он давно представлял интересы семейства Новатни и неплохо знал его родных. Отец Бобби, чьи предки эмигрировали из Богемии еще в начале века, привез свою супругу, Мэри, в крайне депрессивный и опасный район Колумбуса. После того как она родила ему Бобби, Криса, Энди и маленькую Марлен, он ее бросил, и Мэри Новатни

пришлось воспитывать детей в гордом одиночестве. Оставшись без отца, Бобби – смысленный самоуверенный юноша, считавший, что ему незачем учиться в школе, – постоянно влипал в неприятности из-за драк, пьянства или мелких краж.

Лью Дай принялся обрывать телефонные линии, пытаясь узнать, где Клаудия, но все полицейские, включая Говарда Чемпа, утверждали, что та не под арестом и о ее местонахождении никто ничего не знает. Дай чувствовал, что ему намеренно лгут.

Он не мог спустить этого с рук. Прежде чем стать адвокатом, Дай был прокурором, а до того – психологом. Поэтому он старался как можно лучше узнавать людей, с которыми приходится иметь дело: что они едят на завтрак, где пьют и с кем спят. Вооруженный подобными сведениями, он стал настоящим профи в своем деле.

Тем утром через информаторов ему удалось все-таки выведать, что Клаудия провела ночь в отеле «Рамада» и что ее совсем недавно доставили в участок.

Хотя Чемп сказал, что Клаудия не желает с ним разговаривать, Дай знал, что та, словно ребенок, передумает, стоит только показаться ей на глаза.

Зайдя в участок, он увидел Клаудию сидящей на одном из столов. Встречая ее прежде, когда она сопровождала Новатни на слушаниях, Дай не раз замечал, насколько холодный и отстраненный у нее взгляд – словно у девушки с обложки глянцевого журнала. Сейчас же она выглядела донельзя растерянной: с распухшими красными глазами и бледным лицом, вся тряслась, но притом по-прежнему излучала чувственность и сексуальность.

Клаудия вскочила и бросилась к Даю, всхлипывая:

– Помогите мне, Лью! Мне так плохо. С головой что-то странное творится...

Дай попросил о возможности поговорить с ней наедине, и их проводили в кабинет капитана Хердмана.

– Почему вы не хотели меня видеть? – спросил он, когда они остались одни.

– Я запуталась... – пробормотала Клаудия. – Не пойму, что происходит.

Дай верил ей, но еще он понимал, что, будучи в панике, Клаудия сделает все, что ей скажут. По своей наивности она решит, что полицейские и впрямь на ее стороне. Увидев же кого-то из знакомых, в поисках поддержки вцепится уже в него.

– Хотите, чтобы я представлял ваши интересы?

– Да, да, да! Я вас знаю! Я вам верю.

– По словам полиции, вы им уже что-то рассказали.

– Я сказала им, что Бобби хочет меня убить, и...

– Так, ладно, давайте пока без подробностей. Этот кабинет, конечно, вряд ли прослушивается, но до меня не раз доходили слухи, что разговоры адвоката и его клиента записываются.

– И что мне делать?

– С этой минуты закрыть рот и помалкивать. Не говорите ни с кем, кроме меня. Бобби позвонил мне вчера, как только вас увезли. Он ужасно за вас переживает.

Когда Дай вышел из кабинета, Чемп рассказал ему, что Клаудия призналась в убийстве, и на ее арест (а также арест Роберта Новатни и Дено Политиса) уже выписан ордер; их троих обвиняют в незаконном проникновении, грабеже и убийстве при отягчающих обстоятельствах.

– Вы совершаете ошибку, – предупредил Дай. – Эта женщина никого не убивала.

Чемп пожал плечами.

– О’Грейди говорит, улики уже достаточно.

Дай давно знал главного прокурора О'Грейди, потому что не раз пересекался с ним в зале суда. Он выразительно развел руками.

- Тогда вы, Говард, крепко подставитесь перед присяжными.

- Так или иначе, повод у нас есть.

Чемп повернулся к Клаудии и объявил:

- Клаудия Яско, вы арестованы.

Та распахнула глаза и завопила:

- Арестована? Как это так?! Вы же, когда привезли меня сюда, говорили, что арестовывать меня не за что!

- Тогда причин не было, Клаудия. Теперь есть.

Она разрыдалась, дрожа всем телом, и вцепилась в Лью Дая.

- За что меня арестовывают? За что?

- За убийство трех человек, - пояснил Чемп.

Он достал наручники, но Клаудия закричал:

- Я никого не убивала! Богом клянусь, я не убийца!

Зазвонил телефон, и Чемп ответил. Ему что-то сказали на том конце линии, он кивнул и повесил трубку.

- Это полицейский, которого я отправлял в дом Маккана. Вы совершенно правы, Клаудия. В раковине, как вы и сказали, лежит голубая миска с остатками хлопьев.

Дай пошел вслед за женщиной-полицейской, которая вывела Клаудию из кабинета, вниз по лестнице, по узкому коридору с камерами наблюдения, через закрытые ворота мимо тюрьмы на Фронт-стрит и усадила арестованную в полицейский фургон. Дай сел рядом, взял Клаудию за руку и принялся утешать, а машина тронулась с места, увозя их на юг от города, в женскую исправительную колонию.

– Я вытащу вас через две недели. Избавлюсь от той записи, словно ее и не было.

Клаудия вдруг улыбнулась.

– Вот уж не думала, что получу такую шикарную роль. – Она откинула голову, прижавшись затылком к борту фургона. – Всегда хотела сыграть главную партию... Мне и прежде доводилось сниматься в кино, но весьма специфичном, да и роли были так себе. А благодаря этой криминальной драме я стану настоящей звездой!

Дай изумленно на нее уставился.

– Вы полагаете, что снимаетесь в кино?

Она игриво шлепнула его по руке.

– Ой, да ладно вам, Лью! Вы же сами видели камеры в тюремных коридорах и снаружи здания. Надеюсь, гонорар мне полагается соответствующий: роль-то непростая.

Двадцать минут спустя полицейский фургон подъехал к женской колонии – одноэтажному зданию, окруженному колючей проволокой. Надзирательница провела Клаудию внутрь, и тяжелая дверь в конце коридора распахнулась, готовая принять очередную арестантку.

– Клаудия, держитесь, – сказал ей на прощание Дай. – Утром я первым же делом направлюсь к судье и подам ходатайство об отмене ваших показаний. До встречи!

* * *

Когда двери тюрьмы захлопнулись, Клаудия спросила у надзирательницы, какой сегодня день.

- Среда.

- Нет, я про число. Год я помню - тысяча девятьсот семьдесят восьмой.

- Пятнадцатое марта, - сообщили ей, снимая наручники.

Клаудия кивнула.

- Так я и думала. Со мной вечно что-нибудь случается на мартовские иды.

Ее сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и выдали тюремную робу темно-синего цвета брюки, кроссовки и белую рубашку с чернильными буквами на кармане: К. ЯСКО. Заметив и здесь на стенах камеры, Клаудия улыбнулась. Уж она-то постарается отыграть свою роль на «Оскар»!

С нее сняли все кольца и заколки; распущенные волосы доходили до самых бедер. Клетушка со стальной койкой, раковиной и унитазом находилась напротив контрольного пункта; когда открывалась дверь, можно было заметить телемониторы. Клаудия со смехом помахала в объектив рукой.

Видела бы ее сейчас мамочка!..

Глава вторая

1

Марта Яско узнала о судьбе дочери за пять минут до вечерних новостей: ей позвонил Бобби Новатни и сообщил, что Клаудию арестовали и, скорее всего,

покажут по телевизору.

Сперва та решила, что ее разыгрывают, хотя шутка была довольно странной. И вообще, Марта изрядно удивилась звонку, ведь за пару недель до этого Клаудия уверяла, что намерена расстаться с Бобби. Марта считала, что между ними все кончено. Бобби никогда ей не нравился, хоть он и производил впечатление весьма умного и начитанного молодого человека. Она знала, что Новатни не совсем чист перед законом, вдобавок балуется наркотиками. Разумеется, ее это тревожило.

Начались новости, и Марта и ее пятнадцатилетняя дочь Нэнси вытаращили глаза: на экране появилась закованная в наручники Клаудия – она в джинсах и джинсовой куртке улыбалась и махала камерам рукой.

Когда диктор сообщил, что Клаудию арестовали по обвинению в трех убийствах и та же участь вскоре ждет ее сообщников, Марта не сдержалась:

– Что за бред? Они что, все спятили?!

Нэнси заплакала.

– Быть того не может. Клаудия и мухи не обидит...

Марта вскочила с кресла и принялась в слезах метаться по комнате.

– Надо что-то делать... Позвонить кому-то? Найти адвоката... Но где его искать? Нужно позвонить в полицию, произошла какая-то ужасная ошибка!..

Нэнси испугалась, что у матери не выдержит сердце.

– Я знаю! Мы позвоним Папаше, он скажет, как нам быть.

Она бросилась к телефону и сквозь рыдания стала набирать номер полицейского управления города Колумбус. Папаша им поможет.

Детектив-сержант Билл «Папаша» Стекман на самом деле приходился ей не отцом, а всего лишь его школьным приятелем. Однако после развода

родителей – почти девять лет назад – девочка столько времени проводила в доме Стекмана, что стала считать его практически родным.

Теперь, узнав, что сестру арестовали за убийство, Нэнси, разумеется, первым делом бросилась за помощью к Биллу Стекману. Дежурный в центральном полицейском управлении переключил ее на детективное бюро по расследованию убийств, и когда в трубке раздался негромкий бас Стекмана, Нэнси сообщила ему жуткую новость, которую они с матерью услышали по телевизору.

– Ты же выручишь Клаудию, правда? Она просто не могла этого сделать! У нее, конечно, есть проблемы с головой, но она ведь и мухи не обидит. Что нам делать? Куда бежать?..

– Нэнси, успокойся. Возьми себя в руки. Я сделаю что смогу. Дай телефон матери.

Марта, все еще всхлипывая, взяла трубку, и Стекман заговорил, пытаясь немного ее обнадежить, хотя от него мало что зависело.

– Я не могу вмешиваться в расследование шерифа Беркемера. Тот округ, Франклин, не в моей юрисдикции.

– Господи боже мой...

– Пока просто ждите. Я поговорю со знакомыми детективами. Уточню, знают ли они вообще про ее диагноз...

– Ох, Билл, дай бог тебе здоровья...

– Но ты, Марта, можешь и сама кое-что сделать. Когда будешь навещать Клаудию в тюрьме, задай ей несколько вопросов. Это очень важно...

– Да, да, разумеется! Погоди минуту, возьму ручку...

Стекман не спеша продиктовал ей список вопросов, призванных уточнить, откуда Клаудия знает столь мелкие подробности преступления.

Когда Лью Дай следующим утром занял место рядом с Клаудией в зале суда на предварительных слушаниях, то сразу заметил, как она растеряна и с каким смущением время от времени оглядывает переполненный зал. Видимо, от клиентки стоило ждать новых проблем...

У Клаудии была невероятная способность сбивать людей с толку. Дай давно понял, что для нормального с нею общения нужно внимательно ее выслушать, а потом мысленно вернуться к самому началу разговора и тщательно проанализировать каждое слово. С Клаудией ему проходило делать заметок больше обычного, чтобы просматривать их снова и снова, пытаясь разобраться во всех хитросплетениях ее дела.

Дай подал судье Ричарду Ферреллу прошение признать Клаудию невиновной и не учитывать ее показания на ста пятидесяти восьми страницах, потому что признание было получено Говардом Чемпом под давлением и от психически больного человека. Судебный следователь подтвердил: Клаудия с четырнадцати лет наблюдается у психиатра, в данный момент принимает лекарства и, по данным департамента по охране психического здоровья города Огайо, считается недееспособной.

Генеральный прокурор опроверг все аргументы Дая, заявив, что, по словам Чемпа, Клаудия рационально описала обстоятельства убийства Маккана, которые никогда не упоминались в прессе и которые мог знать лишь человек, побывавший на месте преступления. Прокурор уверял, что признание в жестоком тройном убийстве Клаудией подписано по собственной воле и сознательно. Представители обвинения сообщили судье Ферреллу, что намерены передать материалы дела большому жюри присяжных уже в следующий вторник.

Судья Феррелл принял во внимание ходатайство Дая и установил Клаудии залог в размере ста пятидесяти тысяч за каждую жертву – итого четыреста пятьдесят тысяч.

Когда Клаудию выводили из зала суда, она вновь смеялась и скованными руками махала зрителям. Столь веселый настрой изрядно смутил телерепортеров и газетчиков, поэтому они накинулись на детективов с вопросами.

Говард Чемп не сказал им, что это он приехал к Клаудии домой, взял ее под арест, увез в участок, а потом всю ночь держал под стражей в отеле. Вместо этого он сообщил журналистам, что накануне вечером Клаудия сама пришла в управление шерифа и призналась в убийстве.

3

Когда детектив Тони Рич узнал, что Клаудия Яско в числе убийц Маккана назвала имя Дено Константина Политиса и что того объявили в розыск, он немало огорчился. Всего две недели назад он сам допрашивал Политиса по этому делу.

Политис давно прослыл в западной части города бандитом, и Рич знал, что он периодически бывает в клубе Микки и пару раз даже повздорил с его владельцем. Этот тридцатидвухлетний тип как никто другой годился в подозреваемые, тем более что его совсем недавно арестовали за вооруженный грабёж при отягчающих обстоятельствах. За последние две недели Политиса уже дважды брали под стражу и дважды отпускали.

Рич вновь перечитал материалы дела.

Двадцать четвертого февраля, спустя две недели после убийства Маккана, патрульный Г. Голдсберри арестовал Дено Политиса в три двадцать утра в супермаркете «Крогер» по адресу Вест-Брод-стрит, дом пятьсот пятнадцать. Продавец, Дуглас Стормант, заметил, что Политис ведет себя на кассе очень странно. Когда он, расплатившись за банку чесночного порошка, потянулся за покупкой, из широкого рукава джинсовой куртки вдруг выпала ягнячья отбивная. Политис, вконец разволновавшись, сам достал из другого рукава вторую отбивную и предложил за них заплатить. Поскольку в «Крогере» были очень строгие правила относительно магазинных краж, Стормант позвонил в полицию.

Голдсберри сообщил, что к моменту его прибытия на место кражи Политис сидел под замком в одной из комнат охраны на втором этаже. Когда он вставал со стула, Голдсберри заметил на полу у его ног пистолет. Ботинком тот аккуратно закинул оружие под стол.

Поскольку доказать, что пистолет принадлежит Политису, Голдсберри не мог, он арестовал того лишь за кражу бараньих отбивных. Надев на Политиса наручники и отконвоировав в машину, патрульный вернулся в магазин и конфисковал оружие – синюю самозарядную «беретту» двадцать пятого калибра с хромированным магазином на девять патронов.

Политис сумел убедить судью, что он законопослушный гражданин и предприниматель, в качестве доказательства предъявив инструменты и грузовик. Поскольку речь шла о правонарушении первой степени, его выпустили под подписку о невыезде, велел явиться в суд шестого марта.

Двадцать восьмого февраля, четыре дня спустя, Политис пришел в детективное бюро округа Франклин, чтобы сообщить о краже «беретты» двадцать пятого калибра. Как только он признался, что пистолет его, Рич изменил обвинение с «правонарушения первой степени» на «вооруженный грабеж». И тут же арестовал Политиса.

Подозревать его в убийстве Рич стал не только из-за кражи отбивных. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом Политис застрелил человека в баре на западе Колумбуса. Присяжные, однако, сочли действия обвиняемого самообороной и оправдали его.

Расспрашивая Политиса про «беретту» и про украденный товар, Рич в какой-то момент заговорил про убийства. Политис признался, что много лет был знаком с Микки Макканом, порой ссорился с ним и даже три раза приглашал Кристин Хердман, танцовщицу из клуба, на свидание.

В общем, Рич подозревал Политиса еще за две недели до того, как Клаудия Яско назвала его имя. Теперь он был крайне разочарован: ведь неделю назад, восьмого марта, судья муниципального суда снял обвинение в вооруженном грабеже, поскольку никто из свидетелей не сумел подтвердить, что пистолет был при Политисе, когда тот крал отбивные.

Согласно приказу шерифа Беркемера, при аресте Дено Политиса следовало соблюдать осторожность.

Глава третья

1

Когда Марта Яско неделю спустя после ареста Клаудии приехала в женскую исправительную колонию, то удивилась, до чего обычным выглядит здание, если не обращать внимания на окружающий его забор из колючей проволоки.

Правда, внутри условия для посетителей оказались так себе. У левой стены стояли четыре металлические будки с узкими полочками и телефонами. На уровне глаз располагалась прямоугольная прорезь шириною в пятнадцать сантиметров, сквозь которую можно было разглядеть лицо собеседника. Арестанткам и посетителям приходилось стоять, чтобы видеть друг друга, и разговаривать исключительно по телефону.

Вскоре после прихода Марты Донна Заг, здешняя надзирательница с рыжими волосами, привела улыбающуюся Клаудию, впустила ее в кабинку и заперла за ней решетчатую дверь.

– Мама, ты почему такая грустная? Все же замечательно. Мне выпал очень редкий шанс себя показать. Ты никогда не верила, что я стану настоящей актрисой, и вот видишь – мне дали главную роль!

– Ты о чем вообще говоришь?

– Ты не поняла? Это кино! Мы снимаем фильм про жестокое тройное убийство. Видишь – вон камеры повсюду.

Она указала на телемонитор у нее за спиной.

С Клаудией всегда так было. Еще в детстве она смешивала реальные факты со своими фантазиями. Мечтала стать актрисой. Марту давно беспокоила привычка Клаудии уходить в несуществующий мир, но теперь она была рада, что вместо тюрьмы дочь видит иллюзорную съемочную площадку.

– Мы позвонили Папаше Стекману. Он обещал кое-что проверить. У него в этом деле есть личный интерес. Надо задать тебе несколько вопросов. Сосредоточься, пожалуйста, хорошенько.

Клаудия с готовностью кивнула.

Марта достала из сумочки сложенный листок и зачитала вслух:

– Прежде чем тебя забрали на допрос, кто-нибудь из детективов просил тебя добыть для них информацию?

Клаудия покачала головой:

– Нет.

– Ты когда-нибудь была на месте преступления – на Онгаро-драйв?

– Нет, мама, ни разу.

– Тогда откуда ты знаешь подробности? Как смогла описать дом? Откуда ты знаешь, как именно произошло убийство?

Клаудия приложила пальцы к губам и закрыла глаза, будто силясь вспомнить.

– Я слышала об этом от Дено. Он рассказывал Бобби, когда его через две недели после убийства арестовали по обвинению в краже, как детектив Тони Рич допрашивал его по делу Маккана. Поэтому он многое знал о преступлении и о том, как все случилось.

Марта с облегчением выдохнула. Это все объясняет. Клаудия, как всегда бывало, просто взяла пару мелких деталей и слепила из них целую историю с собою в главной роли.

– Так Бобби причастен к убийству?

– Нет! – вскричала Клаудия. – Бобби совершенно ни при чем!

– А ты можешь как-нибудь доказать, что тем утром в воскресенье тебя там не было? Ты ведь обычно ходишь после работы завтракать?

Клаудия хлопнула себя ладонью по лицу.

– Точно! Теперь, когда ты спросила, я вспомнила! Кажется, я встречалась в тот день с Ленни Уайтом и... и... с нами еще девушка была... Да, Джинджер, она работает в «Картинной галерее» вместе со мной.

– Что за Ленни Уайт?

– А, один славный парень, мы уже пару месяцев знакомы. У него свой грузовик, и он занимается перевозками. Чаще всего возит свиней. Девчонки из «Картинной галереи» прозвали его Пигманом. Ленни, когда он в городе, часто к нам заходит, а потом приглашает меня на завтрак и провожает до дома. Вот мы после работы и завтракали в тот день.

– Отлично! У тебя есть алиби и целых два свидетеля, способных его подтвердить. Клаудия, теперь все будет хорошо!

– Мама, я же так и сказала. Фильм наверняка сорвет кассу. Я прославлюсь на весь мир!

Покинув тюрьму, Марта первым же делом позвонила Биллу Стекману в участок и передала ему слова Клаудии.

– Марта, сам я в это дело вмешиваться не могу, – сказал тот в конце разговора. – Но обещаю сделать все, что в моих силах.

* * *

Чуть позже Стекман позвонил детективу Стиву Мартину. Кое-кто из его коллег хорошо знал Мартина и прекрасно о нем отзывался.

– Стив, у меня есть кое-какая информация по делу Маккана, – начал он. – Я не хочу вмешиваться в ваши дела и не прошу ничего взамен. Просто вам, ребята, стоит знать, что в подозреваемых у вас человек с крайне нестабильной психикой.

2

Семнадцатого марта эта история появилась на страницах «Ситизен джорнал».

ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ ВТОРОГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ТРОЙНОМ УБИЙСТВЕ НА ЗАПАДЕ ГОРОДА

В минувший четверг объявили в розыск второго подозреваемого в убийстве, совершенном двенадцатого февраля.

Клаудия Яско была арестована вечером в среду. Ей предъявили обвинение по трем пунктам касательно убийства при отягчающих обстоятельствах.

По словам сержанта Говарда Чемпа, мисс Яско около часа пополудни во вторник обратилась в участок и рассказала подробности преступления, которые мог знать лишь человек, побывавший на месте убийства.

Она добавила, что боится идти домой, поскольку ее тоже могут убить, поэтому офицеры поместили ее под стражу.

Чемп не сообщил, как мисс Яско связана с предполагаемыми убийцами или их жертвами.

Мисс Яско с четырнадцати лет наблюдается у психиатра, однако в момент допроса, по заверениям Чемпа, выглядела «совершенно здравомыслящим

человеком».

* * *

Три дня спустя выписали ордер на арест Политиса. В четыре десять утра пятеро полицейских, включая детектива Голдсберри, Тони Рича и Говарда Чемпа, постучали в дверь трейлера, где тот жил со своей подругой. Когда Элси Мэй Бенсон, подруга Политиса, отперла замок, ей предъявили ордер.

Она махнула в сторону спальни, и пятеро полицейских с оружием наперевес прошли в комнату, разбудили Политиса и сообщили, что он арестован за убийство Кристин Хердман, миссис Дороти Маккан и Микки Маккана.

Политис, спросонья разозлившись, заорал, что он ни при чем. Это какая-то долбаная ошибка!

– Не разрешай им обыскивать дом! – велел он Элси Мэй, когда его заковали в наручники и потащили к выходу. – Не хочу, чтобы они здесь топтались!

Обвиняемого отвезли в окружную тюрьму, оформили арест в четыре тридцать утра, и Политис оказался за решеткой в третий раз за месяц.

* * *

Когда Мэри Новатни открыла дверь и увидела на крыльце сына, то сразу поняла: случилась беда. По словам Бобби, он прочитал в журнале статью про расследование убийства. Раз там сказано, что Клаудия опасается за свою жизнь, есть подозрение, что в розыск объявили именно его. Поэтому в их квартире ему лучше не появляться.

Оказавшись в отчем доме, Новатни закатил истерику и принялся орать, что Клаудия совсем больная. Потом заперся в своей старой комнате, пытаясь решить, что делать дальше.

Невысокая и жилистая, совсем седая, миссис Новатни тем временем пошла на кухню, чтобы приготовить Бобби ужин. Она поняла, что ее старший сын смертельно напуган, во второй раз обвиненный в преступлении, которого не совершал.

Его страх перед полицией имел очень давние и глубокие корни. Миссис Новатни хорошо помнила тот день, когда Бобби и его младшего брата Энди арестовали после того, как поймали на плотине Гувера со взрывчаткой. Ходили слухи, что взрывчатку им дал один из владельцев бара, связанный с организованной преступностью. Однако Бобби и Энди рассказали ей, как было на самом деле.

Однажды утром в конце июля Бобби решил порыбачить и за компанию взял с собой Энди и их приятеля Фрэнка. Они захватили снасти, пару упаковок пива и поехали к плотине.

Рыба ловилась неохотно, и Энди, заскучав, принялся бродить по округе. Он заметил, что одна из дверей в дамбе не заперта, решил заглянуть внутрь и позвал Бобби. Тот, взяв пива, пошел вслед за ним. Фрэнк с удочками остался снаружи.

Энди сказал, что они прошли буквально пару шагов, как их окружила морская полиция и нацелила на них пистолеты. Бобби с Энди подняли руки и послушно двинулись к выходу, но тут Фрэнк, захвативший с собой пару петард, оставшихся после четвертого июля, поджег одну и бросил в дверной проем, а сам удрал на машине Энди.

Когда Бобби и Энди выбрались наружу, их поджидала целая толпа вооруженных людей в форме и полицейский вертолет вдобавок.

Парней арестовали за незаконное проникновение и применение взрывчатых веществ на плотине. В их защиту выступил Лью Дай. Обвинение переквалифицировали в простое хулиганство, и братьев освободили, выписав им штраф. Однако после тех событий они больше не верили полиции.

– Так у них всегда, – говорил Бобби матери. – Простую рыбалку выдают чуть ли не за терроризм.

Теперь он прятался в своей старой детской комнате, потому что боялся, как бы полиция не обвинила его в убийстве.

В понедельник поздно вечером, двадцатого марта, Мэри Новатни услышала, как стучат в дверь. Она надела халат, спустилась, выглянула в окно и с удивлением увидела перед домом патрульные машины, перегородившие улицу в обе стороны.

Бобби, который спустился вместе с ней, сказал:

- Это за мной. Уйду через заднюю дверь.

- Не надо, сынок, - остановила его мать. - Сиди в доме.

Седовласый полицейский в штатском крикнул с крыльца:

- Я сержант Чемп! Мы знаем, что ваш сын в доме. Хотим с ним поговорить.

- У вас есть ордер? - спросила Мэри.

- Нет, но у нас есть пара вопросов к вашему сыну.

- Одну минуту. Я у него узнаю.

Она бросилась к телефону, набрала домашний номер Лью Дая и спросила, что им делать.

- Скажи Бобби, пусть успокоится. Ни при каких обстоятельствах не выходить и не впускать в дом полицию. Отведи его к себе в спальню, пусть сидит там, пока я не перезвоню.

В четыре утра Лью Дай перезвонил и спросил, на месте ли полиция. Бобби выглянул в окно. И крыльцо, и улица оказались пусты.

- Тогда поспи немного, если сможешь. И утром первым же делом езжай ко мне. Мы вместе пойдем к шерифу.

Утром Бобби поцеловал мать на прощание.

– Может, в последний раз видимся... Вдруг меня казнят.

– Не говори так, – попросила та.

– На меня хотят повесить убийство. Ты знаешь, это они могут.

– Не надо, Бобби! Не смей так говорить! – сквозь слезы сказала Мэри, выпуская его через заднюю дверь.

Тем же вечером в новостях сообщили, что Лью Дай явился в участок вместе с Бобби.

Мэри разрыдалась, когда репортер сообщил, что двадцать первого марта, в четыре тридцать, большое жюри округа Франклин вынесло вердикт: Клаудия Элейн Яско, Роберт Рэй Новатни и Дено Константин Политис (все трое в настоящий момент заключены под стражу) обвиняются по нескольким статьям в преднамеренном убийстве по предварительному сговору.

То есть в преступлении, которое каралось смертной казнью.

3

Представлять интересы Клаудии было делом крайне мучительным. Заседание продлилось всего сорок пять минут, однако Дай изрядно взбесился, стоя рядом с перепуганной клиенткой в зале суда и выслушивая обвинительное заключение. Власти штата требовали, чтобы по каждому отдельному обвинению – за все три убийства при отягчающих обстоятельствах – Клаудию приговорили к смертной казни на электрическом стуле.

Краем глаза Дай поглядывал на Клаудию: та все еще улыбалась (правда, немного стесненно, словно извиняясь, что доставила столько хлопот), но при этом была бледной и заметно дрожала. Она все еще верила, что снимается в кино, хотя прокурор своим выступлением ее перепугал.

Дай решил, что, если девушку и впрямь приговорят к смертной казни, он поднимет в средствах массовой информации шумиху. Пусть это крайне неэтично, зато правильно – потому что поможет спасти невиновного от смертельного разряда тока. Выслушав обвинение, адвокат понял, что это неизбежно.

Будучи преданным республиканцем, сперва он пытался надавить политическим авторитетом. Не то чтобы Дай был дружен с Джорджем К. Смитом – с прокурорами редко водят дружбу. Кое с кем из этой братии он, правда, приятельствовал прежде, до того, как они заняли свои нынешние посты, но понимал, что в какой-то момент надо провести черту. «Если защитник в дружеских отношениях с прокурором, может сложиться щекотливая ситуация», – так он считал. Вдруг в самый последний момент, когда адвокат будет готов нанести решающий удар, прокурор попросит его придержать немного руку – просто в порядке личного одолжения.

Дай наблюдал в зале суда за помощником прокурора Джеймсом О'Грейди. Джим ему нравился. Он был ирландцем – причем из «зеленых», не «оранжевых» [5 - Зеленый цвет на флаге Ирландии означает католиков, оранжевый – протестантов.] – и активным патриотом. Как-то раз Дай застал Джима в кабинете, когда тот слушал Вагнера. Он в который раз напомнил себе, как важно знать тех, с кем предстоит сразиться в суде.

Дай знал, что начальник О'Грейди, прокурор Джордж К. Смит – сильнейший политик. Если хорошо зарекомендуешь себя в его глазах – получишь должность судьи или еще какой-нибудь значимый пост; Джордж умел протаскивать своих людей на высокие должности. Накануне обвинения Дай позвонил ему в приемную и договорился о встрече с ним и О'Грейди. Он хотел сказать: «Господа, бросьте уже это дело. Вы ведь знаете, что моя клиентка невиновна. Не совершайте ошибки, которая поставит жирный крест на вашей политической карьере».

Дай надеялся, что Смит рассудит здраво и закроет дело против обвиняемой. Топить его не хотелось. До сих пор Дай предпочитал дружить с местными республиканцами. Да и вообще, молодой адвокат, раскачивая политическую лодку, и сам может уйти на дно. Хотя чтобы спасти Клаудию, он был готов на все.

Однако приехав в прокуратуру, Дай услышал от Джима О'Грейди и его ассистента по административным вопросам, что Джордж его принять не сможет. Чертов политикан уехал из города.

Дай вежливо ответил: «Что ж, господа, думаю, федеральным СМИ это дело придется по вкусу. Если не видите дальше своего носа, придется спустить на Джорджа всех собак и срубить его политическую карьеру на корню». О'Грейди сказал, что они обязаны выполнять свою работу; в конце концов, надо смотреть на вещи трезво: с такими уликами и признательными показаниями они просто-напросто не могут закрыть дело.

– Вы же знаете, что предшествовало ее аресту, – не сдавался Дай. – Знаете, в каком она состоянии. Знаете, что Чемп запер ее в отеле и запудрил мозги.

Увы, его не слушали.

– Тогда я спущу на вас федеральную прессу, – обещал он наконец, понимая, что слишком давит.

Хоть Дай и чувствовал в этом деле странности, он только позднее понял, что изначально все идет от Джорджа Смита. Оказывается, Смит лично встречался с Чемпом и давал тому рекомендации по расследованию. Видимо, тройное убийство в округе Франклин приобрело политический окрас.

Первым журналом, проявившим к этой истории интерес, стал «Хастлер»[6 - «Хастлер» – ежемесячный журнал для мужчин, издающийся с 1974 года. В отличие от других порнографических изданий, публикует статьи в области экономики, внешней политики и социальных вопросов.] (его издатель, Ларри Флинт, жил как раз в Колумбусе). Дай не стал ничего обещать, при этом понимая, что журнал станет отличным рычагом давления. Поэтому он сообщил местным телерепортерам, что об этой истории хочет написать федеральный журнал. Какой именно, не сказал, потому что еще ничего не решил наверняка, да и прокурор мог закрыть дело. Однако когда репортер начал задавать наводящие вопросы, Дай признался, что речь о «мужском» издании.

Через несколько дней ему позвонил старший редактор «Плейбоя» Билл Хелмер, стал расспрашивать про Клаудию и намекнул, что фонд «Плейбоя» готов оказать помощь. Хелмер заверил, что как только делом займется Хью Хефнер[7 - Хью

Хефнер – американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала Playboy.], считай, проблемы нет. Оказалось, что тот репортер из Колумбуса обзвонил все редакции мужских журналов, пытаясь найти нужное издание, – и невольно подкинул тему «Плейбою».

Теперь, выходя из зала суда и глядя, как Клаудию усаживают в полицейский фургон, Лью Дай наконец решился. Он сделает что угодно, сразится с любым, кто перейдет ему дорогу, – но спасет ее, пусть даже если ради этого придется принять сомнительную помощь от изданий вроде «Хастлера» и «Плейбоя».

4

Тони Рич вновь испытывал крайнее разочарование.

В пятницу тридцать первого марта судья Уильям Джилли выпустил Дено Политиса под подписку о невыезде, обязав ежедневно, до самого суда, сообщать по телефону обо всех своих передвижениях.

Адвокат Дено устроил подзащитному проверку на полиграфе, и тот успешно ее прошел, запнувшись лишь на одном вопросе. Судя по показаниям машины, он солгал, когда заявил, будто не был в доме Микки Маккана в день убийства. Впрочем, специалист пояснил, что на показания прибора вполне могли повлиять какие-то застарелые детские страхи, связанные с домом.

Сам Дено заявил, что раз полиграф дает неверные ответы, больше никогда в жизни не станет проходить проверку на детекторе лжи.

В следующий четверг, шестого апреля, в десять сорок утра, прокурор забрал утвержденный большим жюри присяжных обвинительный акт против Политиса, согласно которому тот в момент кражи отбивных имел при себе огнестрельное оружие. Рич получил очередной ордер на арест Дено.

* * *

Незадолго до часа ночи, в субботу, восьмого апреля, было обнаружено тело семидесятисемилетнего Дженкина Т. Джонса. Старика нашла дочь вместе с мужем у него дома, в коттедже на тридцать седьмом шоссе неподалеку от Ньюарка, штат Огайо. Джонс, по всей видимости, лежал на диване и читал журнал, когда в него выстрелили через стекло во входной двери. Пуля двадцать второго калибра попала в спину. Затем убийца – один или с сообщниками – ворвался через парадную дверь и несколько раз пальнул несчастному в голову, после чего перетащил тело в спальню на первом этаже. На полу остались гильзы от патронов двадцать второго калибра.

В подвале также застрелили двух собак и еще двух – снаружи. Одна собака, запертая в сарае, уцелела.

Затем убийца неторопливо обыскал дом, разграбив забитые хламом комнаты и ремонтную мастерскую.

Джонс, по словам соседей, был человеком дружелюбным и подрабатывал в качестве механика, причем весьма умелого. Заказы ему поступали со всего Огайо. Также было известно, что дома у него хранятся крупные суммы денег на тот случай, если вдруг подвернется случайная распродажа и можно будет купить запчасти.

Шериф округа Ликинг Макс Марстон отправил патроны двадцать второго калибра на экспертизу в Бюро криминальной идентификации города Лондон (штат Огайо) для стандартной в таких случаях проверки. Хотя общая картина убийства, особенно большое количество выстрелов в голову, была очень похожа на расправу в доме Макканов, два этих преступления никто не связал.

Убийство Дженкина Т. Джонса в Ньюарке получило очень мало огласки в Колумбусе.

* * *

Тони Рич одиннадцатого апреля повторно арестовал Дено по обвинению в ограблении магазина при отягчающих обстоятельствах, но судья в тот же день снова выпустил Политиса под подписку о невыезде.

Кто-то пошутил, что из-за Дено в тюрьме придется ставить вращающиеся двери.

* * *

В следующую пятницу, тоже после проверки на детекторе лжи, под залог в размере семидесяти пяти тысяч долларов выпустили и Бобби Новатни. Ждать суда он отправился в дом матери.

Мэри Новатни крайне опечалили перемены, которые произошли с ее сыном. В прошлом он был человеком крайне открытым, постоянно шутил, теперь же замкнулся в себе. Помрачнел. Перестал улыбаться. С ужасом рассказывал про тюремные мытарства. Признался братьям, что его мучают кошмары про казнь. За три с половиной недели, проведенные в заключении, Бобби успел окончательно увериться, что детективы сфабрикуют против него дело и отправят на электрический стул.

Итак, его с Дено выпустили под залог, но обвинения в убийстве с них обоих так и не сняли. Из всех троих только Клаудия оставалась ждать суда в тюрьме. Бобби сказал родне, что не знает, простить ли ее из-за болезни или пожелать мучительной смерти на электрическом стуле и отдельного котла в аду.

Глава четвертая

1

После тридцати дней в изоляторе, когда Клаудия не показала ни единого признака агрессии, ей разрешили ежедневно выходить на один час в тюремную комнату отдыха. Других заключенных, которые видели репортажи по телевизору, ее появление крайне не порадовало.

Двадцать четвертого апреля Клаудия вошла в комнату отдыха. Остальные женщины смотрели мыльную оперу. Она в одиночестве уселась за стол, гадая,

когда же придет режиссер и расскажет, какую именно сцену будут снимать в этот день.

Когда надзиратели отвернулись, к Клаудии подошла молодая блондинка.

– Гребаная ты стерва! Чтоб тебе до конца дней гнить в Мэрисвилле или Лиме за то, что убила мою подругу!

Клаудия встрепенулась.

– Что за глупости. Я никого не убивала.

– Не ври, сука! – крикнула темноволосая толстуха. – Ты убила Крисси, вот и получай!

Перепапка привлекла внимание надзирательницы, и та предупредила, что если они не уймутся, то потеряют право на визиты родственников и прочие привилегии. На какое-то время все утихло, но внезапно охрану отозвали из комнаты отдыха, потому что где-то неподалеку загорелась мусорная корзина.

Блондинка вновь принялась осыпать Клаудию угрозами и проклятиями. Та попыталась объяснить:

– Я здесь только потому, что мы снимаем кино про тройное убийство. Со мной будет играть Берт Рейнольдс[8 - Берт Рейнольдс – один из самых успешных и высокооплачиваемых актеров Голливуда в конце 1970-х годов. Наиболее известен ролью в трилогии «Полицейский и бандит».] и Салли Филд[9 - Салли Филд – американская актриса и певица, также снимавшаяся в комедийном боевике 1977 года «Полицейский и бандит», за эту роль была номинирована на премию «Золотой глобус»]. Правда, не знаю, почему я живу в настоящей тюрьме... Меня ведь могли поселить в отеле, и я просто приходила бы на съемки каждый день... Но это моя первая большая роль, поэтому грех жаловаться.

– Вот оно как? Разуи глаза, сука! – рявкнула блондинка. – Здесь все по-настоящему. И я тебе сейчас устрою!

– Тут же повсюду камеры. Зачем камеры, если мы не снимаем фильм?

– Больная ты дрянь, здесь камеры, потому что за нами следят, чтоб не сбежали. А ты тут потому, что ты убийца.

Клаудия вытаращила глаза и принялась всхлипывать.

– Это ты больная... Не понимаю, что за бред ты несешь...

Блондинка оглянулась, нет ли рядом охраны, и заехала кулаком Клаудии в правый глаз. Девушка упала. Остальные накинулись на нее, топчя ногами и осыпая проклятиями. Толстуха навалилась сверху, и Клаудия потеряла сознание.

Медсестра с надзирательницей отнесли ее в камеру. Когда Клаудия пришла в себя, то обнаружила, что вся в синяках, а левая лодыжка ужасно болит и сильно распухла.

Она недоумевала: почему создатели фильма позволили статистам избить ее по-настоящему? Явно происходит что-то странное... Клаудия решила сама выяснить, в чем дело.

Передвигаться теперь она могла лишь ползком или прыгая на одной ноге. Если ее вызывали в суд, то выдавали пару костылей, но поскольку их можно было использовать в качестве дубинки, в здании тюрьмы костылями пользоваться запретили.

2

В следующий понедельник, первого мая, «Ситизен джорнал» рассказал о новом убийстве:

НАЙДЕН МЕРТВЫЙ СВЯЩЕННИК

Шерифа Дэна Берри из округа Фэрфилд, расположенного к востоку от округа Франклин, накануне вечером вызвали для расследования убийства

преподобного Джеральда Филдса, тридцатипятилетнего священника Беренской баптистской церкви.

Филдс подрабатывал воскресным охранником в «Вигваме» – частном парке, занимавшем площадь в сто лесных акров. Парк принадлежал компании «Волф индастриз», под эгидой которой работали также местные службы связи, телеканал, радиостанция и национальный банк Огайо.

По словам шерифа, Филдса застрелили во время очередной смены.

У грузовика, припаркованного возле ремонтного завода, было выбито левое стекло, а на борту виднелись пятна крови, будто жертву в момент выстрела отбросило на машину. Шериф Берри предположил, что потом раненый Филдс, шатаясь, прошел триста метров до барачков, где убийца завершил начатое. На земле нашли восемнадцать гильз от патронов двадцать второго калибра. Девять пуль угодили Филдсу в ноги, грудь и голову. Время смерти – после двенадцати тридцати, при очередном обходе, начало которого было отмечено на часах Филдса.

Затем убитого оттащили за барачок, чтобы спрятать тело. Карманы у покойника обшарили. Пропали бумажник и пистолет тридцать восьмого калибра, имевший приметную особенность в виде скола на рукояти. Шестнадцать сыщиков с собаками все воскресенье прочесывали парк и в конце концов нашли бумажник, кредитки и водительские права.

Если верить газетной заметке, Филдс устроился ночным охранником незадолго до Рождества по просьбе менеджера из «Вигвама», одного из его прихожан. В парке уволился сторож, дежуривший с девяти часов утра субботы до пяти утра воскресенья, и Филдс вызвался на замену, пока компания не подыщет человека. Ему надлежало следить за лесными пожарами. На прочие проблемы с безопасностью в «Вигваме» никогда не жаловались.

Супруга Филдса, Вирджиния, проснулась, увидела, что муж еще не вернулся, и, по ее словам, сразу заподозрила неладное. Репортеру «Ситизен джорнал» она сказала, что немедленно отправилась на поиски. «Я не знала, там он остался [в «Вигваме»] или где-то упал по дороге, но я чувствовала, что стряслась беда».

Филдс, выпускник Библейского института в Аппалачах, основал свой маленький приход в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, в здании местной начальной школы, а в семьдесят пятом вместе с прихожанами воздвиг деревянную церковь и небольшой домик для себя – построил фактически собственными руками. До убийства он жил там с супругой и тремя детьми.

Следующим утром шериф Берри сообщил, что шесть пуль, извлеченных из тела Филдса, отправят в Бюро криминальной идентификации, чтобы сравнить с теми, которые нашли на месте убийства во Франклине и Ликинге, где жертв застрелили в аналогичной манере из оружия такого же калибра.

Если баллистическая экспертиза покажет, что подобное оружие использовалось и прежде, то Берри обещал репортерам запросить помощь в расследовании у соседних округов.

С момента тройного убийства прошло уже два с половиной месяца, и если вдруг выяснится, что ко всем пяти смертям причастен один и тот же пистолет двадцать второго калибра, то прокурору округа Франклин придется несладко: сложно будет призвать к ответственности обвиняемую, которая на момент двух последних смертей сидела под замком в женской тюрьме.

3

Четвертого мая тысяча девятьсот семьдесят восьмого года Лью Дай уверенно шагнул в зал суда, где председательствовал судья Пол У. Мартин. Проходили слушания по вопросу отклонения признательных показаний Клаудии на ста пятидесяти восьми страницах и невозможности их использования в качестве доказательства со стороны обвинения.

И снова Клаудия вела себя странно для человека, чья жизнь висела на волоске. То она была растеряна и смущена, потом вдруг принималась внимательно слушать, словно пытаясь вникнуть, о чем идет речь. Еще она часто поворачивалась и махала репортерам.

Дай рассчитывал в качестве первого свидетеля пригласить лечащего психиатра Клаудии, доктора Байрона Стинсона, доцента кафедры психиатрии в Медицинской школе университета штата Огайо, для дачи врачебного заключения на основе истории ее болезни. Затем Дай планировал вызвать Бобби Новатни, чтобы тот рассказал о недавнем поведении Клаудии.

Обвинение представило только одного свидетеля, который утверждал, что показания Клаудия давала добровольно, без принуждения и будучи в здравой памяти, – сержанта Говарда Чемпа.

Дай одарил О'Грейди довольной улыбкой: он был уверен, что судья Мартин в жизни не допустит такой глупости – чтобы на суде всерьез полагались на признания психически больного человека.

После присяги доктор Стинсон, высокий мужчина шестидесяти лет с небольшим брюшком, сообщил, что предоставил суду все необходимые больничные документы. За время его работы в Апхэм-холле Клаудию госпитализировали трижды: в октябре тысяча девятьсот семьдесят четвертого, после ее возвращения с Гавайев, в октябре тысяча девятьсот семьдесят шестого и в сентябре семьдесят седьмого – всякий раз на два или три месяца. Ее диагноз – «общая шизофрения латентной формы».

– Что это значит? – спросил Дай.

– Такое состояние доктор Хок впервые описал в тысяча девятьсот сорок девятом году, – пояснил Стинсон. – Для него характерно паническое беспокойство – вплоть до панических атак, – истерия и пансексуальность. Диагноз весьма любопытный; в этом году должна выйти новая диагностическая номенклатура, и подобное состояние по ней будет называться пограничной шизофренией [sic]. Это одна из разновидностей шизофрении, когда пациент не теряет связи с реальностью... Я наблюдал Клаудию на протяжении нескольких лет. Ее проблемы кроются в области суждений, в ее отношениях с окружающими, чаще всего в сексуальном контексте. Порой она попадает в весьма пикантные ситуации.

Он посмотрел на Клаудию, и та ему улыбнулась.

– Например, познакомились мы вскоре после ее развода... Моя пациентка была в паническом состоянии... словно мир вокруг рушится. В больницу она попала, потому что заблудилась в своих фантазиях, и ей понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Дай спросил, как именно ее диагноз влияет на восприятие реальности и отношения с окружающими.

– Я бы сказал, что Клаудия предпочитает жизнь, полную бурных эмоций, – ответил Стинсон. – Она всегда завязывает контакты с маргинальными персонажами, несоответствующими общепринятым нормам морали. Бисексуалами, гомосексуалистами, проститутками, стриптизершами... Попав в их окружение, она воображает, будто стала частью преступного синдиката и мафия намерена сделать ее проституткой. Все эти любопытные фантазии весьма крепко сплетаются с реальностью, пока не наступает переломный момент и кто-нибудь не развенчает иллюзии... Тогда у нее начинается приступ паники, и Клаудия ищет убежища в больнице.

Стинсон описал симптомы паники:

– Бессонница, плохой аппетит, покачивания на месте, рыдания и истеричные крики... Она очень настойчива, сыплет угрозами, повсюду ей чудится подвох. В такие моменты очень неприятно находиться с нею рядом.

Врач напомнил, что когда Клаудию впервые поместили в Апхэм-холл в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, она поведала врачам целую сагу о том, как на Гавайях ее похитили и держали в рабстве, из которого она сбежала лишь сущим чудом.

В семьдесят седьмом году ее госпитализировали после того, как она позвонила в полицию и сообщила, что видела в переулке тело зарезанной женщины. Труп, однако, не нашли, и никаких свидетельств его наличия – тоже.

Стинсон добавил, что после того звонка голос Клаудии с каждым днем становился все более хриплым, а на момент госпитализации и вовсе исчез.

– Хрипота и немота – тоже симптомы истерии, – подытожил Стинсон.

Дай перечислил некоторые подробности убийства Маккана и последующего допроса Клаудии, в ходе которого она дала признательные показания, и спросил, был ли этот рассказ о преступлении таким же вымышленным, как предыдущий.

– Клаудия вроде хамелеона, – пояснил Стинсон. – Она как маленький кокер-спаниель... чья первая потребность – угодить вам любой ценой. Думаю, она сделала бы что угодно, если выбрать правильный к ней подход. В непривычной ситуации она способна на многое. Ее поведение сильно зависит от окружающей обстановки. Она исполняет любые требования.

Дай спросил:

– Если бы Клаудии сообщили какие-то подробности убийства накануне допроса, возможно ли такое... не просто возможно, а какова вероятность того, что она повторила бы эти факты, выдав их за свои?

Стинсон кивнул.

– Клаудия очень охотно участвует в подобного рода авантюрах, она как паук, плетущий паутину из реальности и фантазий... причем до такой степени, что даже я, человек, хорошо ее изучивший, с трудом разобрался бы, где правда, а где вымысел.

Во время перекрестного допроса помощник прокурора О'Грейди ухватился за фразу Стинсона о том, что «Клаудия завязывает контакты с маргинальными персонажами и вращается в преступных кругах Колумбуса».

– Ну, допустим, про «преступные круги» я не говорил, – возразил Стинсон. – Однако, безусловно, она всегда выбирает темную сторону. На грани приличий, как вы, наверное, сказали бы.

– Люди, которых она упоминала... ее подруги и коллеги. Она не говорила, что двух девушек из ее окружения и впрямь убили? – спросил О'Грейди.

– Нет.

– А сами вы не читали в газетах про нераскрытое убийство двух девушек: одной отсюда, а второй – из Дейтона?

Стинсон ответил, что нет.

Задав еще несколько вопросов касательно лечения Клаудии, О'Грейди спросил, читал ли доктор Стинсон протокол ее допроса или, может быть, слушал его запись? Когда Стинсон ответил отрицательно, О'Грейди ухватился за его слова:

– Итак, я правильно понял: вы даже не пытались составить экспертное мнение о том, что на самом деле было сказано на допросе... по интонациям, например?

– Нет.

– Хорошо. В таком случае смею предположить, что вы не можете сделать вывод, сумела ли Клаудия на момент первого разговора со следователями понять, в чем именно заключались ее права?

– С этой точки зрения, увы, нет.

– Благодарю, доктор, – сказал О'Грейди. – У меня все.

Когда настал черед Лью Дая, тот подытожил предыдущие показания и спросил:

– Доктор Стинсон, как вы считаете, основываясь на своем врачебном опыте, знакомстве с Клаудией и профессиональном чутье: могла ли она и впрямь совершить эти убийства?

– Я не очень хорошо знаком с материалами дела, – признался Стинсон. – Зато прекрасно знаю Клаудию. И просто не верю, что она способна на убийство и в чем-либо виновна.

Когда свидетелем вызвали Говарда Чемпа, тот начал с того, что узнал о Клаудии от двух полицейских, которые говорили с нею в закусочной. Дай попросил описать события, предшествовавшие допросу в участке.

Пытаясь доказать переменчивость Клаудии, он спросил:

– Вы помните, что сказали, будто она не желает меня видеть... а затем, когда я приехал в участок, она мне обрадовалась? Вы это помните? Вас такая реакция разве не удивила?

Чемп недовольно ответил:

– Я помню, как после разговора с вами она закатила нечто вроде истерики.

– А помните, что, по вашим словам, ее поведение было вызвано воздействием наркотических препаратов? Или она просто умело притворялась?

– Я по-прежнему уверен, – настаивал Чемп, – что нервный срыв у нее произошел именно после встречи с вами.

Дай напомнил Чемпу, что Клаудия на момент допроса принимала медикаменты, напомнил про обстоятельства, в которых проводился обыск ее квартиры, и про ее реплики в разговоре со следователями.

– Разве вы не выяснили, что все, о чем она рассказывала, на самом деле было результатом вашего же расследования?

– Нас поразило, сколько на самом деле ей известно про место преступления... про положение тел, про количество ранений у каждой из жертв...

Дай напомнил, что Дено Политис и Роберт Новатни успешно прошли проверку на полиграфе, убедив прокурора округа Франклин в своей непричастности к убийствам. Он напомнил также Чемпу, что через две недели после происшествия Политиса арестовали в супермаркете «Крогер» и допрашивали, поэтому он вполне мог узнать от детектива Тони Рича какие-то подробности сцены преступления и пересказать их Клаудии.

Чемпу нашлось чем возразить: допрос Политиса проходил в его присутствии, и из всех вопросов лишь некоторые (а если быть точным, всего пятнадцать) касались убийства в доме Маккана.

Дай припомнил Говарду Чемпу нестыковки на допросе, когда Клаудия, по ее словам, намеренно лгала или скрывала правду.

Однако судья Мартин его перебил:

– Мистер Дай, думаю, с этим вопросом я разберусь самостоятельно, когда буду слушать запись и читать стенограмму. Мнение детектива мне неинтересно.

Когда с Чемпом закончили, встал помощник Дая, Уильям Флек.

– Ваша честь, у нас есть еще один свидетель. Мы вызываем Роберта Новатни.

После того как Новатни дал присягу и сообщил суду свой адрес, его спросили, знаком ли он с Клаудией Яско. Свидетель ответил положительно, тогда его попросили указать на нее в зале суда. Он посмотрел прямо на девушку и безошибочно ткнул в нее пальцем. Отвечая на вопросы Флека, он рассказал, что познакомился с Клаудией около года назад и что они какое-то время жили вместе.

Когда его спросили, признавалась ли хоть раз Клаудия в своих связях с криминалом, Новатни ответил, что три-четыре месяца назад та заявила, будто видела неподалеку от их дома убитую девушку, и позвонила в полицию.

Отвечая на вопросы Флека о том, почему Клаудия опасалась за свою жизнь, Новатни сказал:

– ...[Она боялась] разных людей, многих я даже не знал. Вроде как [был] какой-то случай в Калифорнии или на Гавайях. Она часто говорила, что ее могут убить.

– Можете ли вы привести конкретный пример подобных высказываний? – уточнил Флек.

Новатни пожал плечами.

– Цитирую: «Меня хотят убить». Точка.

Флек заставил Новатни подтвердить, что Дено Политис приходил к ним в дом после обвинения в мелкой краже и в присутствии Клаудии во всех красках рассказывал про убийство.

Во время перекрестного допроса О'Грейди спросил у Новатни, обвиняла ли его Клаудия в каких-либо других преступлениях. Новатни недоуменно промолчал, и О'Грейди добавил:

- Возможно, ей было известно о других ваших деяниях, например, о попытке подорвать плотину Гувер?

- Возражаю! - воскликнул Флек. - Это не относится к делу.

- Отклоняется, - сказал судья.

Новатни кивнул.

- Она говорила, что знает.

- Ага... то есть, по вашим словам, ей было известно про взрывчатку на плотине? И что, по ее мнению, там произошло?

- Понятия не имею, вам виднее, - огрызнулся Новатни.

- Вы не знаете, что именно она нам сказала?

- Нет.

- Но откуда вы знаете, что об этом вообще шла речь?

- Потому что мы с моим адвокатом изучили запись ее допроса.

О'Грейди смерил торжествующим взглядом сперва Флека, затем Дая.

- И кто же ваш адвокат?... Для протокола.

- Лью Дай.

О'Грейди заставил Новатни признать, что Клаудия не называла ни его имени, ни имени его младшего брата в связи с происшествием на плотине Гувер, и наконец

спросил:

– А почему вы столь уверены, что речь шла про вас и вашего брата, раз никаких имен не прозвучало?

Новатни посмотрел на Клаудию.

– А почему бы и нет? Она же обвинила меня в убийстве.

Задав еще несколько вопросов и окончательно подорвав авторитет Новатни как свидетеля, О'Грейди его отпустил. Судья Мартин заявил адвокатам, что рассмотрит их ходатайство.

* * *

Примерно в то же время, когда в зале судебных заседаний проходили слушания по делу Клаудии, шерифы трех округов получили сообщение от Бюро криминальной идентификации. Самозарядный пистолет двадцать второго калибра, из которого застрелили Маккана, его мать и Кристин Хердман в округе Франклин, был идентичен оружию, из которого убили Дженкина Т. Джонса в округе Ликинг и преподобного Джеральда Филдса в округе Фэрфилд.

При этом никто не упомянул очевидный факт – что Джонс и Филдс были убиты в тот самый момент, когда Клаудия находилась в тюрьме.

4

Когда Клаудию после заседания вновь вернули в тюрьму и Донна Заг провела ее в камеру, та легла на койку и горько заплакала.

– Ну же, девочка, взбодрись. Все не так уж и плохо. А ну-ка взгляни еще разок на мою руку, – попросила ее надзирательница. – Я сказала своим дочкам, что скоро стану бабушкой – мол, мне так предсказали. Но они обе нервничают, ты ведь предупредила, что кому-то из них в родах придется несладко.

Клаудия изумленно вытаращила глаза.

– Что-что?

– Погадай мне по ладони, девочка моя. Я хочу, чтобы ты еще разок предсказала будущее.

Клаудия покачала головой.

– Я не хочу больше этого делать.

– Почему? Клаудия, ты же отличная гадалка!

– Потому что я слышала, что мой психиатр сказал на суде. Он сказал, что я создаю фантазии... Как паук плету паутину. И теперь я знаю, что все это, – она обвела широким жестом камеру, – не съемочная площадка. А это, – она потрогала повязку на ноге, – не несчастный случай во время съемок. – Клаудия подняла на надзирательницу глаза, полные слез. – Он сказал, что временами я все-таки возвращаюсь в реальность. Видимо, сейчас тот самый случай.

– Клаудия, я тебе могу чем-то помочь?

– Господь оставил меня... Вот и вы все оставьте меня в покое!

Заг ушла, а Клаудия съежилась на койке, закрыв глаза и пытаясь понять, что происходит. Если она не снимается в кино, то значит, ее и впрямь обвиняют в убийстве? Она слышала, что прокурор говорил о смертной казни. Ее хотят усадить на электрический стул!

Что-то заскрежетало рядом, и возле камеры появились двое рабочих – те волокли лестницу, чтобы заменить одну из длинных флуоресцентных ламп. Парни громко болтали о том, как им не терпится поскорей закончить работу и пойти на ужин. Клаудия вдруг поняла, что они заслонили собой камеры, и надзиратели не видят ее на экране.

А значит, она может незаметно покончить с собой.

Унитаз! В нем есть вода.

Она упала на колени. Пострадавшая нога болела так сильно, что пришлось ползти. Клаудия добралась до унитаза и уткнулась в его нутро. Опустила в воду руку – холодная и чистая. Надо спешить, пока никто не пришел.

– Господи, прости меня! Я знаю, что там, рядом с тобой, меня ждет лучшая участь.

Набрав в грудь воздуха, она окунула лицо в воду, выдохнула – и снова вдохнула.

Вода потекла в ноздри, и Клаудия невольно отшатнулась. Через силу снова опустила голову, но тут ее начало тошнить... На громкие хрипы и бульканье прибежали охранники.

Девушку забрали в лазарет. Когда убедились, что с нею все в порядке, снова поместили в камеру под строгий надзор.

Клаудия заплакала. Она надеялась умереть по своей воле, а не на электрическом стуле. Боже, только не на электрическом стуле! Она не хотела, чтобы ей сбрили роскошные длинные волосы, связали ремнями и пропустили сквозь нее мощный разряд тока.

Всю свою жизнь Клаудия выступала против смертной казни и теперь понимала, насколько была права.

Глава пятая

1

Шестого мая тысяча девятьсот семьдесят восьмого года субботний выпуск «Ситизен джорнал» дал душегубам, лишившим жизни уже пятерых человек,

прозвище:

УБИЙЦЫ С 22 КАЛИБРОМ

На первой полосе опубликовали разом две статьи, посвященные расследованию.

В первой цитировались слова шерифа округа Франклин Гарри Беркемера: «По всей видимости, в нашем районе появился сумасшедший, помешанный на оружии. Боюсь, нас ждет еще несколько смертей». Беркемер признал, что детективы всех трех округов, где произошли убийства (Франклин, Фэрфилд и Ликинг), не нашли пока никаких улик и не получили ни единой зацепки от информаторов. «Полная тишина, – сказал он. – На улицах об этом молчат...»

Во второй статье говорилось о Клаудии: «КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ ТАЙНЫ ПЯТИ СМЕРТЕЙ?»

Подсказки по делу о пяти жестоких убийствах вполне могут найтись в спутанном сознании Клаудии Элейн Яско.

Хоть она ошибочно указала следователям на двоих подозреваемых (Новатни и Политиса), якобы причастных к безжалостной стрельбе в доме Роберта «Микки» Маккана, детективы по-прежнему уверены, что сама эта женщина все-таки побывала на месте преступления.

«Странно, что она так много знает про убийство Маккана, – сказал Беркемер. – Она рассказывает что-то, ты уверен, что она лжет, а потом глядишь на фотографии с места преступления и понимаешь, что описано все в точности, как там было»...

«Она – та еще загадка», – признал шериф Беркемер.

Некоторые официальные источники сообщили журналистам, что, несмотря на обстоятельства, Клаудию намерены держать в тюрьме и судить за убийство при отягчающих обстоятельствах. Другой источник отметил, что поскольку ее

осведомленность о преступлениях стала предметом всеобщего достояния, а убийцы до сих пор на свободе, освободить сейчас Клаудию под залог – все равно что вынести ей смертный приговор.

* * *

В пятницу двенадцатого мая Лью Дай подал ходатайство об освобождении Клаудии под залог. Поскольку ее потенциальные сообщники, Новатни и Политис, давно были выпущены под подписку о невыезде, казалось несправедливым, что она одна до сих пор томится в тюремных стенах. Судья Пол У. Мартин отложил рассмотрение ходатайства до того момента, пока он не вынесет решение по предыдущему вопросу – об отмене признательных показаний Клаудии.

Дай также просил, чтобы Клаудии предоставили возможность пройти проверку на полиграфе при условии, что его показания вне зависимости от результата будут использованы в суде. Политис и Новатни уже прошли такую проверку, а значит, и Клаудия должна находиться в равных с ними условиях.

Прокурор О'Грейди выступил против, и, к удивлению Дая, судья Мартин просьбу отклонил.

После Лью Дай, крайне разочарованный, встретился с репортерами и озвучил «заявление об алиби», которое намеревался предоставить суду.

– Клаудия находилась в окружении свидетелей с того самого момента, как покинула место работы, – зачитал он заранее подготовленный текст. – В тот вечер, одиннадцатого февраля, она работала в клубе «Картинная галерея» до половины третьего ночи, затем в компании двоих друзей, мужчины и женщины, отправилась в блинную «Вестерн панкейк хаус», чтобы перекусить. После завтрака друзья проводили ее до дома, где она жила с Робертом Новатни.

В следующую пятницу, девятнадцатого мая, судья Мартин отклонил ходатайство Дая о признании показаний недействительными и отказался выпустить Клаудию под залог. По мнению судьи, ей сообщили обо всех ее правах, и она «добровольно и сознательно» от них отказалась.

И снова Дай удивился. Он-то был уверен, что суд отклонит показания психически больной женщины, вдобавок полученные под воздействием лекарственных препаратов. По поводу освобождения под залог он испытывал смешанные чувства. Возможно, Клаудии и впрямь лучше дожидаться суда в тюрьме. Пусть в ее голове немало фантазий и лжи, Клаудия явно знает о деле больше, чем говорит.

Она могла услышать подробности не только от Политиса, но и от всякого уличного сброда, среди которого наверняка ходили разговоры об убийстве. Если до истинного виновника дойдут слухи, что Клаудия владеет важной информацией – что она знает, кто убийца, – дело может принять весьма опасный оборот.

Дай больше не стеснялся использовать прессу как оружие в своих руках. Он скармливал репортерам и телевизионщикам одну историю за другой. Следующим его шагом было принять помощь от «Плейбоя». В арсенале у журнала имелось огромное количество ресурсов и рычагов давления в любой точке страны, и он мог прийти на выручку каждому обвиняемому, который не получал должной поддержки от государства. Это дело – несправедливое преследование красивой, беззащитной и психически больной женщины – было как раз в их вкусе. Они сделают грандиозный репортаж!

Адвокат сообщил Биллу Хелмеру из «Плейбоя», что ему не хватает лишних рук: нужны люди для сбора информации и опроса свидетелей. От признаний Клаудии, конечно, вставали дыбом волосы, но беда в том, что ее слова в итоге прозвучали слишком правдоподобно. Если не удастся опровергнуть каждый из пунктов обвинения, Дай проиграет дело.

Он отметил также, что, как часто бывает в подобных случаях, сторона обвинения предлагала вариант, при котором можно избежать смертного приговора, если поместить Клаудию на принудительное лечение в психиатрическую больницу. По мнению Дая, каждому, кто был причастен к этому делу, становилось очевидным, что прокурор округа Франклин спешит с помпой объявить о раскрытии убийств, даже не дожидаясь вердикта судьи!

Хелмер попросил Дая передать в фонд «Плейбоя» максимально краткую и емкую выжимку из материалов дела, и большую часть выходных тот потратил на то, чтобы упорядочить свои заметки. Однако в понедельник двадцать второго мая газеты написали не про Клаудию. Репортаж про нее затмили новости об

очередном убийстве. Совсем рядом с Колумбусом из пистолета двадцать второго калибра застрелили супружескую чету.

* * *

Дело попало под юрисдикцию полицейского управления Колумбуса. Хотя городские детективы не торопились связывать это убийство с предыдущими, пока не получены результаты баллистической экспертизы, «Колумбус диспатч» выводы сделал:

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В ДУХЕ УБИЙЦ С ДВАДЦАТЬ ВТОРЫМ КАЛИБРОМ

Супруги, чьи изрешеченные пулями тела были найдены в воскресенье днем в их доме на Морс-роуд, возможно, очередные жертвы в серии кровавых преступлений, совершенных при помощи самозарядного пистолета двадцать второго калибра.

В минувшие выходные на севере Колумбуса были убиты Джерри Л. Мартинс, сорокасемилетний вице-президент и генеральный директор компании «Перма Стоун», совсем недавно занявший этот пост, и его супруга Марта. Тела обнаружил их племянник, который в воскресенье приехал на пикник по случаю пятьдесят первого дня рождения Марты, удивился тишине в доме, вошел внутрь и увидел покойных.

Джерри Мартинса – крупного мужчину два метра ростом и весом более ста килограммов, – по всей видимости, застрелили через окно, когда он лежал на диване и смотрел телевизор. Об этом свидетельствуют две гильзы от патронов двадцать второго калибра, обнаруженные на земле возле дома. Затем с более близкого расстояния Мартинса добились несколькими выстрелами в голову.

Марту, одетую в черный костюм, нашли мертвой в коридоре, с несколькими пулями в голове. Как и в двух предыдущих случаях, на выходе из дома были перерезаны телефонные провода. Дом ограбили. Видимо, преступление совершено из жадности наживы.

Как сообщили репортеру соседи, миссис Марта «Марти» Мартинс уже тридцать лет трудилась кредитным экспертом в «Сити Нэшнл банк». Супруги считались не самыми состоятельными людьми, Джерри Мартинс был простым клерком, который каждый день исправно ходил на службу. Мартинсы поженились восемь лет назад (для обоих это оказался второй брак), последние три года они прожили в доме на Морс-роуд. Супруги часто принимали у себя гостей. В настоящий момент они не состояли ни в какой общественной организации, однако прежде Джерри был одним из добровольцев пожарной бригады Уайтхолла.

* * *

В пятницу двадцать шестого марта Бюро криминальной идентификации подтвердило, что Мартинсов убили из того же пистолета, что и Джонса, Филдса и троих человек в доме Маккана – то есть все семь смертей связаны друг с другом. К ужасу городских сыщиков, «источник, близкий к следствию» раскрыл «Ситизен джорнал» характерные приметы оружия, и на первой полосе появилась статья с кричащим заголовком:

ОДИН И ТОТ ЖЕ ПИСТОЛЕТ: ВСЕ СМЕРТИ – ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

Согласно статье, убийцы использовали самозарядный «штегер люгер» производства Западной Германии. «Люгер» (известный также как «оружейный хлам», потому что часто давал осечки и заклинивал) был одним из самых популярных в стране пистолетов и свободно продавался по почтовым каталогам вплоть до тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, пока федеральные власти не запретили дистанционную продажу оружия, если речь шла не об официальных дилерах.

2

Первым из полиции города Колумбуса на место преступления в доме Мартинсов прибыл сержант Билл Стекман из отдела убийств – тот самый «Папаша»

Стекман, который когда-то подумывал усыновить младшую сестру Клаудии. Именно его назначили ответственным за расследование очередного убийства.

Высокий, под два метра ростом, светловолосый и синеглазый детектив недавно начал носить слуховой аппарат и немного этого стеснялся. Говорил он негромко и гортанно, голос словно бы шел напрямиком из грудной клетки. Работа в отделе убийств была смыслом его жизни, и старания сержанта высоко оценивали и прокуроры, и адвокаты.

На работе он проводил по восемнадцать часов в сутки; все знали, что «Стек» фактически живет в полицейском участке.

Каждого нового подозреваемого следовало проверить и перепроверить – а потом еще разок для надежности. Поэтому Стекман лично проследил за задержанием более двухсот человек, которые могли быть причастны к убийству.

Поимка Убийц с двадцать вторым калибром вскоре стала самым важным делом в жизни Стекмана. Он верил, что главное – набраться терпения, и все получится; обязательно найдется какая-нибудь улика, зацепка... Стекман знал, что он хороший сыщик и своего не упустит. Работа в полиции была его детской мечтой, другой жизни для себя он просто не мыслил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Халдол – нейролептик, применяется при шизофрении, маниакальных состояниях, психозах и других заболеваниях, сопровождающихся галлюцинациями и психомоторным возбуждением (здесь и далее прим. переводчика).

2

Когентин – препарат, используемый для устранения нейролептических расстройств.

3

«Дерринджер» – пистолет простейшей конструкции, как правило, карманного размера.

4

Немецкая деревня – исторический квартал Колумбуса времен XIX века.

5

Зеленый цвет на флаге Ирландии означает католиков, оранжевый – протестантов.

6

«Хастлер» – ежемесячный журнал для мужчин, издающийся с 1974 года. В отличие от других порнографических изданий, публикует статьи в области экономики, внешней политики и социальных вопросов.

7

Хью Хефнер – американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала Playboy.

8

Берт Рейнольдс – один из самых успешных и высокооплачиваемых актеров Голливуда в конце 1970-х годов. Наиболее известен ролью в трилогии «Полицейский и бандит».

9

Салли Филд – американская актриса и певица, также снимавшаяся в комедийном боевике 1977 года «Полицейский и бандит», за эту роль была номинирована на премию «Золотой глобус».

Купить: <https://telnovel.com/ru/deniel-kiz/razoblachenie-klaudii>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)